

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State University

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF MODERN LINGUISTICS
IN THE AGE OF GLOBALIZATION**

Materials of the II international scientific conference
on October 17–18, 2016

Prague
2016

Trends in the development of modern linguistics in the age of globalization : materials of the II international scientific conference on October 17–18, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 63 p. – ISBN 978-80-7526-142-7

ORGANIZING COMMITTEE:

Vasily V. Lipich, doctor of philological sciences, professor of Belgorod State University.

Serdobintseva Elena, doctor of philological sciences, professor of the Penza State University.

Irina I. Skachkova, candidate of philological sciences, associate professor of the Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor of English language department of Belarusian State University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines trends in the development of modern linguistics in the age of globalization. Some articles deal with theoretical problems of modern linguistics. A number of articles are covered intercultural communication and linguistic identity. Some articles are devoted to language and mentality pressing questions of cognitive linguistics. Authors are also interested in language and style of art.

UDC 81

ISBN 978-80-7526-142-7

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. THEORETICAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

Nuzhnova E. E. Scientific speech from the pragmalinguistic point of view	5
Zimovets N. V., Komanova A. Y. Phaseological units with the elements of colour denomination	8
Букаренко С. Г. Имплицитная сочетаемость сказуемых-реакций с подлежащими- стимулами <i>зубы и все зубы</i>	12
Воронина Л. В. К вопросу о нетипичных синтаксических способах выражения семантики цели	15
Клепиковская Н. В. Антонимия в английской технической терминологии.....	18
Маслова Т. Б. Прагматика некатегоричных высказываний в научной коммуникации английского языка.....	20
Попова И. С. К вопросу о трехмерности функций конструкций с прямой речью	24

II. THE LINGUISTIC ANALYSIS OF CONTEMPORARY MEDIA SPHERE

Protsenko E. A. Functions of interlanguage recoding in modern French newspapers	27
---	----

III. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUISTIC IDENTITY

Кузьмина Р. П. К вопросу о культурных и языковых контактах эвенов на территории Якутии	32
Сорокина Т. Г. Речевая коммуникация в процессе ведения деловой переписки	34

Шашкина Ю. В.

Киноцитаты и имена персонажей кинофильмов в основе печатных текстов СМИ.....39

IV. LANGUAGE AND MENTALITY PRESSING QUESTIONS OF COGNITIVE LINGUISTICS

Yashina M. E., Sabirova R. R., Yarullina A. M.

Phraseological units expressing feelings and emotions in the English, German and Russian languages.....44

Чуркина Н. С.

Психолингвистические особенности иноязычной устной речи при обучении в средней школе48

V. LANGUAGE AND STYLE OF ART

Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К.

Художественный текст как источник обогащения лексического состава языка51

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016–2017 годах.....58

Информация о научных журналах 60

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 61

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 62

I. THEORETICAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

SCIENTIFIC SPEECH FROM THE PRAGMALINGUISTIC POINT OF VIEW

E. E. Nuzhnova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Taganrog Management
and Economics Institute,
Taganrog, Russia*

Summary. The article is devoted to pragmalinguistic study of computer experts' speech. We will examine means of expressing reality/ problematic actions /unreality and personality traits they correlate with. Speech behavior of one computer expert will be examined to illustrate how the results of the research can be interpreted.

Keywords: pragmalinguistics; speech; verbal behavior; personality traits.

The purpose of this study is to determine some personality traits having examined a person's speech behavior. Articles of 11 computer experts, native English speakers, have been analyzed. All the texts belong to the same speech genre – a scientific journal article. A unit of study is a small syntactical group. It is a simple sentence, parts of a complex sentence, participial and infinitive constructions.

When speaking everyone uses linguistic forms of his/her own unique verbal experience. Therefore, we assume, they can give information about this person's outlook, attitude to things, his/her wants, needs, requirements, values, etc. In other words, certain linguistic forms used by a person let us predict his personality traits. In this article, we will consider how means of expressing reality/ problematic events/ unreality used in speech characterize the speaker.

The reality/unreality of a speech event is reflected in a language and speech by means of using the category of mood. Most of the definitions of mood say that this category expresses the relation of an action to reality, or an action and its agent to reality. The speaker can be specified (in the works of V. V. Vinogradov, L. S. Barkhudarov, A. I. Smirnitsky, I. P. Ivanova, etc.) or can be omitted (in the indicative mood in J. Lyons's works) [2]. In our opinion, V. V. Vinogradov gives the most accurate definition relevant to pragmalinguistic studies. The category of mood is a grammatical category of the verb, which determines the modality of the action, i.e. denotes the relation of the action to reality, set by the speaker [1, p. 581].

It is essential for this work that the event is real or unreal for the author of the utterance. From our point of view, B. A. Ilyish substantiates the importance

of the fact that it is the speaker or writer who presents the action as real. Otherwise, according to B. A. Ilyish [5, p. 100], we would have to admit as correct, corresponding to reality, any thought that is expressed (verbalized) in a sentence with the verb-predicate in the indicative mood. But people can be wrong or intentionally lying, the author of a work of art can speak about characters that have never existed.

Currently in linguistics there is no clear universal definition of the categories of modality and mood. The number of moods ranges from 2 to 16 in different textbooks. For our work it is irrelevant. We are more interested in the expressions of reality/ problematic events/ unreality in speech. These expressions chosen by a speaker are directly connected with the personality traits of the author of the text. The results of the pragmalinguistic experiment [3, p. 254] show that these forms let us describe the person as a realist or a dreamer.

Means of expressing reality include present and past tense verb forms in indicative mood without modal modifiers. They correlate with such personality traits as realism, rationality, practicality, prudence and signify rational, abstract thinking, the tendency to theoretical activities. The key word to characterize such a person is a *realist*. He sees facts as they are; he is not influenced by prejudice or convention. Such a person does not trust feelings, impressions, intuition, but relies on logic.

The action is problematic, i.e. unrealized, (possible or obligatory) if it has not taken place, but it can be performed. Means expressing unrealized events may indicate 1) obligatory or 2) possible actions mainly in subordinate clauses [3, p. 260]. Signals of obligatory event in one's speech let us detect his/her great sense of duty and responsibility. Means of expressing possibility indicate that the person using them is often cautious, probably, diffident and he does not consider himself to be an expert in some field or does not want to impose his ideas on others.

The event is unreal if it can never take place from the speaker's point of view. Markers of unreal events [3] are most frequent in the speech of a *dreamer*. It means (s)he has impractical ideas; (s)he is often busy with his/her thoughts that everything else seems unreal. Such people are usually emotional, sensitive, sentimental, they have good imagination, often act by intuition and they tend to evade responsibilities. Psychologists say that being impractical can be the result of intense inner life, which makes real events less important.

Using these data, let's examine the verbal behaviour of L. Case [4, pp. 127–144], one of 11 computer experts whose articles we have considered. In 174 units of study out of 214, that is 81.3 %, L. Case uses means of expressing reality, the average speech and genre index is 65.5 %.(It is the arithmetic mean of the data received as a result of analyzing 11 computer experts' articles.) The figures show that he is realistic, practical, rational, this man sees things as they are, he is emotionally stable, when solving a problem, he tends to think logically. The content of L. Case's article confirms our findings: the results of testing

new models of processors are presented, i.e. mostly factual information is given. Even the discussion of the capabilities of these devices is minimized.

Expressions of unrealized action are used in 40 units of study out of 214, that is 18.7 %, the average speech and genre index is 34.1 %. It means that L. Case is less cautious, uncertain, responsible than his colleagues. In addition, it can be assumed that reality, events and facts are more important for this author than his attitude towards them. There are no markers of unreality in the article, so we can conclude that daydreaming, emotionality, sensitivity, sentimentality, etc. are not characteristic of L. Case as well as of the other authors of the articles considered.

The study showed that computer experts are rationalistic, realistic, not very emotional. There are two possible ways of interpretation here: either that is the impact of the profession on the authors of the texts and speech reflects their professional deformation, or it is the result of the influence of scientific style norms.

Bibliography

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 614 с.
2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
URL: http://www.libros.am/book/read/id/322239/slug/vvedenie-v-teoreticheskuyu-lingvistiku#ТОС_idp3500808 (дата обращения: 07.08.2016)
3. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица (“портрета”) говорящего: Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1993. – 322 с.
4. Case L. It's in the Cards // PC MAGAZINE, Vol. 19, №1, January 4, 2000, pp. 127–144.
5. Plyish B. The Structure of Modern English. – Л. : Просвещение, 1971. – 365 с.

PHASEOLOGICAL UNITS WITH THE ELEMENTS OF COLOUR DENOMINATION

N. V. Zimovets

*Candidate of Philological Sciences,
associate professor,*

A. Y. Komanova

*assistant,
Pedagogical Institute NRU «BelsU»,
Belgorod, Russia*

Summary. The article deals with idioms with elements of color denomination in the English language. It reveals the basic values of sustainable idiomatic expressions denominating white, black and red colours and their use in the English press. The authors conclude that phraseological units were formed according to the history of the country and acquired its phraseological value based on the literal symbols of real events and phenomena.

Keywords: phraseological units; colour; colour denomination; culture of language; language picture of the world; cultural picture of the world.

Color is one of the properties of a material world which is considered as conscious visual perception. Different colors are appropriated by the person to objects in the course of his recognition [2]. Quite often the mood, emotions and health of the person depends on the color perception. It is logical to assume that researches in the field of the color perception are characteristic only for scientists in the field of psychology, however, considering certain aspects, researchers often do not consider feature of the created color picture of the world of the person belonging to a certain culture of the language.

The world surrounding the person is presented in three forms: real picture of the world, cultural (or conceptual) picture of the world and language picture of the world. We will consider each of these forms. The real picture of the world is an objective extra human reality, it is the world surrounding the person. The cultural (conceptual) picture of the world is a reflection of a real picture through a prism of the concepts which are created on the basis of the person's impressions gained by means of sense organs and which have passed through his consciousness both collective and individual. The cultural picture of the world is specific and varies greatly at different cultures of the language. It is caused by a number of factors: geographical position, climate, environment, history, social system, beliefs, traditions, way of life, etc. The language picture of the world reflects reality through a cultural picture of the world. The idea of existence of national and specific language pictures of the world has arisen in German philology of the end of XVIII – the beginnings of the 19th century. (Mikhaelis, Herder, Humboldt). Firstly, language as the ideal, objectively existing structure is subordinated and organized by the perception of the world of its carriers. And secondly, language as the system of pure significance forms its own world as if it is "applied" on the world's reality [5, p. 38, 39, 50].

The person can nominate objects and phenomena which surround him, so there is a deep interest in research of colour denomination of experts not only in the field of psychology but also linguistics. It is possible to find out if the person belongs to a certain culture by investigating the phraseological units existing in language. Phraseological units help to define which historical, intellectual and emotional significance this or that culture contains.

The phraseology is a science about phraseological units, i.e. about semantically complicated collocations which are not formed by means of structural-semantic models of variable combinations [4, p. 4]. The phraseological fund of language consists of idioms and phrasemes without any stylistic restrictions. It isn't separated, however, by an "impenetrable wall" from the language formations which have different points of similarities to phraseological units [1, p. 112].

Phraseological units take place in lexical system of language which is not capable to nominate all the aspects of the reality learned by the person. Often phraseological units are the only way of nomination, phenomena and situations which the person has ever faced. We come to a conclusion that the huge role in phrase-formation is played by a human factor as the vast majority of phraseological units is connected with the person in various spheres of his activity. Taking into consideration that phraseological units are the integral component of development and language formation and culture of the language in general there is a huge number of classifications based on the criteria affecting various linguistic and cultural aspects.

Formation of phraseology as a separate linguistic discipline is connected with the name of the Swiss linguist Charles Balli who was the first to reveal classification of phraseological units on the basis of criterion of stability [3, p. 201]. In the later work Sh. Balli considers regular combinations and phraseological ranks as in-between types of phrases and distinguishes two main groups of combinations: 1) free combinations and 2) phraseological unities, i.e. phrases which constantly used components have lost any independent meaning [4, p. 5, 6]. The phraseological units with elements of colour denomination related to the second group are of a great interest to the researchers as all the elements of these combinations exist in language isolated, but, nevertheless, have other meaning when replacing one of the components. Thus phrases with color resignation are idiomatic only on condition of their indivisibility, for example, if we replace one of elements in expression "to be red in the face", then it does not convey a storm of negative emotions anymore and loses idiomatic value.

The early fundamental researches concerning the theory of colour have appeared only in the 17th century in England. The foundation of the modern theory of color was originated by the English scientists Robert Hooke (*Micrographia*, 1665), Robert Boyle (*Experiments and considerations upon Colors*, with a letter containing observations on a diamond that shines in the dark, 1664) and Isaac Newton (*A New Theory of Light and Colour*, 1672; *Opticks: or a Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections and Colours of Light*, 1704).

In Europe red, yellow, blue, later red, green, blue were considered as basic colors. According to the theory developed by I. Newton, the amount of basic colors has increased to seven: red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet. However, in everyday communication we add white and black colors by all means, seldom we mention orange, violet is mentioned even more rare and indigo – absolutely rare [2, p. 114]. In this article we will consider phraseological units with the elements of colour denomination which have found the reflection in human culture first of all – white, black and red which are the embodiment of all natural components existing in the nature: light, darkness and fire.

WHITE. The English word comes from the Old English white hwit “bright, radiant; clean, light”. Talking about the concept of “white” with respect to human nature, the color is relevant to both internal and external signs of human (hair color, face). In Old English “white” had the meaning of “morally pure”, referring to the royalist convictions of the XVIII century. In American English, this colour has gained the colloquial meaning of “honorable, light” (during the war of independence of the United States in 1775–1783 “white” meant “amiable, friendly, favourable.”) Speaking of the human race, white expressed racial belonging to Caucasian race, so the expression “white supremacy” (domination white) was historically formed in the end of the XIX [8]. In modern English the white color is associated with a positive, bright and clean origin and describes both physical and spiritual aspects of a person or phenomenon: white flag indicates the armistice, ending the conflict (wave the white flag / show the white flag).

White color in the English language picture of the world is often associated with honesty, virtue, goodness, joy: white lie means blessing, committed in the name of rescue and maintenance of relations. We can trace the emergence and formation of phraseology in terms of the English media more clearly:

Lying to your loved ones may seem like a sure fire way to push them away. But new research says telling white lies – specifically for the right reasons – can actually strengthen social bonds [7].

BLACK. The English word comes from the Old English blæc (dark). Thus, the black color is associated with a smoldering fire, charred wood, fading and death. Definitely we can say that the concept of “black” carries a negative connotation associated with the destruction, evil spirits, sins and vices: black magic, black flag (Pirate flag used as a signal of “no mercy”) [8].

In modern English the negative connotation of black spread also on economic activity. So, black market is used to refer to black underground market, for example, for the sale of weapons, drugs, etc.:

This shocking footage captures the moment a rare Amur tiger cub destined to appear on a restaurant menu was rescued from the black market [9].

RED. The English word comes from the Old English read which means “having the color of blood, fire, and, in some cases, indicating a danger.” It is

also used with the physical qualities of man: for example, describing colour of the hair [8].

Consider the idiom with an element of red associated with blood. In English the expression to take smb. red-handed literally means “to catch someone with hands stained with blood.” This idiom has acquired a metaphorical meaning and is not always a crime in a literal sense:

A bus driver was caught red-handed stealing his wife’s shampoo after it turned out to be a hair dye that left his hair and hands bright pink [6].

Thus, on the basis of the study it can be concluded that the idioms with elements of colour denomination can be found in the language everywhere, not only in conversation but also in journalism and reflect the real picture of the world language culture. This is especially concerning the original colours indicating the main natural phenomena. These phraseological units were formed historically and acquired its phraseological value based on the literal symbols of real events and phenomena. A relatively large number of phraseological units formed with the help of color denomination are considered to represent a group of lexemes with a high potential of phraseological activity.

Bibliography

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – 208 с.
2. Артюшин Л. Ф. Цвет [Электронный ресурс]. URL: http://www.realcolor.ru/lib/bse_color.htm (дата обращения: 10.01.2016).
3. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. – Санкт-Петербург, 2011. – 344 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Феникс, 1996. – 200 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
6. Bus driver caught red-handed stealing his wife’s shampoo after it turned out to be HAIR DYE that ...// Daily Mail, 3 December 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3344257/Bus-driver-caught-red-handed-stealing-wife-s-shampoo-turned-HAIR-DYE-left-hair-hands-bright-pink.html#ixzz41mlpDCrM> (дата обращения: 01.03.2016).
7. Kirkova Deni. Little white lies really ARE fine: They help strengthen relationships - but telling whoppers will definitely leave you lonely//Daily Mail, 25 July 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-2705353/Little-white-lies-really-ARE-fine-They-help-strengthen-relationships-telling-whoppers-definitely-leave-lonely.html> (дата обращения: 21.01.2016).
8. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.01.2016).
9. Polden Jake. Rescued from the dinner table: Shocking moment ... //Daily Mail, 12 October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3269578/Rescued-dinner-table-Shocking-moment-Russian-police-intercept-rare-Amur-tiger-cub-smuggled-black-market.html#ixzz41abiaK00> (дата обращения: 02.03.2016).

ИМПЛИЦИТНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СКАЗУЕМЫХ-РЕАКЦИЙ С ПОДЛЕЖАЩИМИ-СТИМУЛАМИ *ЗУБЫ* И *ВСЕ ЗУБЫ*¹

С. Г. Букаренко

Доктор филологических наук, доцент,
Таганрогский институт
имени А. П. Чехова (филиал),
Ростовский государственный
экономический университет
«РГЭУ(РИНХ)», г. Таганрог, Россия

Summary. This article deals with one of the implicit grammar problems – implicit compatibility of the main parts of the sentence. The author offers a research methodology with a demonstration of its effectiveness by a specified example. The data of a directed associative experiment were used as reference material for analysis.

Keywords: compatibility; subject; predicate; implicit aspect of compatibility; directed associative experiment.

Для понимания скрытой грамматики весьма важно изучение имплицитной сочетаемости, особенно главных членов предложения. Однако оно ещё только начинается в силу трудности выявления такой сочетаемости. Это требует формирования и применения системы наиболее эффективных методов анализа, способствующих обнаружению скрытой стороны сочетаемости. В данной статье для исследования имплицитной сочетаемости главных членов предложения используется система методов, включающая метод направленного ассоциативного эксперимента, метод качественно-количественной обработки материала, сопоставительный анализ.

Предполагается, что выявить имплицитную сочетаемость главных членов предложения можно на основе сопоставления изменений, которые наблюдаются в выражении сказуемых при сочетаемости их с изменяющимися выражениями подлежащих. Чтобы зависимость была однозначно определена, выражения подлежащих как независимых главных членов предложения должны различаться минимально – по одному параметру. В данной статье в качестве таких подлежащих взяты *зубы* и *все зубы*, которые использовались в качестве стимулов в проведённом направленном ассоциативном эксперименте [3, с. 74, 75; 1, с. 15–17]. Цель эксперимента – определить, влияет ли включение местоимения *все* в подлежащее [5, с. 314; ср., например: 2, с. 73] на изменение выражения сказуемого в условиях мгновенной реакции.

Местоимение *весь* в форме только множественного числа (*все*) в толковом словаре описано следующим образом: «4. ...Указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений» [4, с. 151]. Форма же множественного числа существительного имеет обычно особый

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-04-000-57).

тип «указания» с помощью флексий. Это также указание на охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений, однако количество их представлено уже как ‘больше одного’. Таким образом, подлежащее- словосочетание *все зубы* и подлежащее-слово *зубы* различаются наличием/отсутствием семы ‘исчерпывающий (охват)’. Предстоит выяснить, влияет или нет этот дифференциальный признак, включённый в подлежащее, на сочетающиеся с ним сказуемые.

Для ответа на поставленный вопрос был проведён направленный ассоциативный эксперимент, в котором в качестве реципиентов были приглашены студенты-филологи. Одной группе (120 человек) было предложено подлежащее-стимул *зубы* с просьбой мгновенно написать к нему сказуемое; другой (108 человек) – *все зубы*. Результаты эксперимента были обобщены и представлены далее в виде двух количественно нисходящих последовательностей (в скобках указаны проценты от общего количества употреблений при каждом подлежащем): **Зубы** болят 55 (45,8) || стучат 14 (11,7) || выпали 6 (5,0) || жуют 5 (4,2) || ноют 3(2,5), режутся 3 (2,5)|| белые 2 (1,7), вырваны 2(1,7), здоровы 2(1,7), острые 2(1,7) || блестят 1 (0,8), болели 1(0,8), выбраны 1(0,8), выпадают 1(0,8), грызут 1(0,8), жёлтые 1(0,8), задрожали 1(0,8), здоровые 1(0,8), золотые (0,8), красивые 1(0,8), кровоточат 1(0,8), крошатся 1(0,8), не болят 1(0,8), новые 1 (0,8), отбелены 1(0,8), плохи 1(0,8), почищены 1(0,8), прилетели 1(0,8), растут 1(0,8), расшатаны 1(0,8), ровные 1(0,8), светятся 1(0,8), сияют 1(0,8), скрипят 1(0,8), треснули (0,8), шатаются 1(0,8)|| = 120 (100,0) /// **Все зубы** выпали 37 (34,3)|| болят 17 (15,7) || целы 10 (9,3) || выбиты 8 (7,4) || белые 7 (6,5) || выросли 2 (1,9), ноют 2 (1,9), целые 2 (1,9) || белоснежны 1 (0,9), вырваны 1(0,9), заменены 1(0,9), здоровы 1(0,9), здоровые 1(0,9), крепкие 1 (0,9), кривые 1(0,9), крошатся 1(0,9), лечатся 1(0,9), молочные 1(0,9), норма 1(0,9), нуждаются 1(0,9), отбелены 1(0,9), поломаны 1(0,9), поют 1(0,9), режутся 1(0,9), ровные 1(0,9), стоят 1(0,9), стучали 1(0,9), целые 1(0,9), челюсть 1(0,9), черные 1(0,9), шатаются 1(0,9) = 108 (100,0).

Сопоставление показывает, что если при подлежащем *зубы* в качестве количественно вершинного употреблен глагол-сказуемое *болят* 55 (45,8), то при подлежащем *все зубы* уже иной – *выпали* 37 (34,3), причём уже с более низким вершинным количеством. Важно также отметить, что эти наиболее частотные глаголы-сказуемые различаются ещё и видом, и временем (*болят* – несовершенного вида, настоящего времени; *выпали* – совершенного вида, прошедшего времени). Важно обратить внимание, что и глагол-сказуемое *болят*, и глагол-сказуемое *выпали* употребляются и не при идеальных для себя подлежащих, однако частотность их использования значительно ниже вершинных. Так, при подлежащем *зубы* глагол-сказуемое *выпали* составляет всего 6 (5,0) употреблений; при подлежащем *все зубы* глагол-сказуемое *болят* составляет также относительно небольшое количество – 17 (15,7).

Количественное расхождение наблюдается между глагольными сказуемыми в целом. При подлежащем *зубы* их на 23,1 % больше, чем при подлежащем *все зубы* (ср. соответственно 84,2 % и 61,1%), а именных – наоборот (ср. при *зубы* 15,8 %; при *все зубы* – 38,9 %).

Разность между количеством форм несовершенного у глаголов-сказуемых при подлежащем *зубы* и при *все зубы* наибольшая: она равна 59,8 % (ср.: 76,7 % и 25,0 %). В то же время расхождение между частотностью использования форм совершенного вида составляет 28,6 %, т. е. почти в 2 раза меньше, чем у форм несовершенного вида (ср.: 7,5 % и 36,1 %).

Присвязочная часть составного именного сказуемого при обоих подлежащих выражается, как правило, прилагательным или страдательным причастием прошедшего времени совершенного вида. Разность в количестве использования прилагательного составляет 15,1 % (ср.: 10,8 и 25,9), причём при подлежащем *зубы* краткая форма составляет 0,8 %, а при *все зубы* – 11,1 %, т.е. на 10,3 % больше. Страдательные причастия-сказуемые прошедшего времени совершенного вида (все они употреблены только в краткой форме) также доминируют при подлежащем *все зубы* с разностью на 6,1 % (ср.: 5,0 и 11,1).

Перечисленные и другие расхождения, которые можно ещё привести, показывают, что влияние наличия / отсутствия семы ‘исчерпывающий (охват)’, дифференцирующей семантику средств выражения подлежащих, на сочетающиеся с ними сказуемые существует и что оно может выявлено и описано с помощью предлагаемой методики.

Библиографический список

1. Букаренко С. Г. Отражение фрагментов русской языковой картины мира в предикативных стереотипных сочетаниях. – М. : МГОУ, 2009. – 350 с.
2. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. – М. : Высшая школа, 1963. – 364 с.
3. Серкин В. П. Методы психолингвистики. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 207 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. II. – М. : Русский язык, 1991. – 960 с.
5. Современный русский язык. – М. : МГУ, 1964 Ч. II. – 637 с.

К ВОПРОСУ О НЕТИПИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЦЕЛИ

Л. В. Воронина

Кандидат филологических наук,
Рязанское высшее воздушно-десантное
командное училище им. генерала армии
В. Ф. Маргелова, г. Рязань, Россия

Summary. The article deals with atypical syntactic means in purpose semantics of Russian language participle and verbal participle phrases. The work reveals the factors affecting it.

Keywords: semantics of the purpose; semantics of appointment; semantic contamination; participle phrases; verbal participle phrases.

Синтаксические способы выражения целевого значения многочисленны: на уровне словосочетаний – дестинативы со строго определенным набором предлогов, оформляющих цель, и глагольные сочетания с инфинитивом, на уровне предложений – сложноподчиненные конструкции с конкретными операторами подчинительной связи. В то же время фактами языка стали предикативные единицы, содержащие полупредикативные компоненты, способные выражать синкретичное значение цели, – причастные и деепричастные обороты – нетипичные способы выражения целевой семантики.

Так, авторы «Русской грамматики» указывают на отсутствие целевого значения у деепричастных [2, с. 181–183] и причастных оборотов [2, с. 183–184], мы же в данной статье попытаемся настоять на не столь однозначном решении вопроса о семантической квалификации подобных конструкций, выделим ряд факторов, способствующих развитию у них целевого значения, а также сделаем проекцию на современное состояние языка на предмет присутствия в нем таких «нетипичных» способов выражения целевой семантики.

Итак, на наш взгляд (и его подтверждает ряд примеров), деепричастия с зависимыми словами способны сообщать о цели: *И они с сестрой остановились, отыскивая девушку* (Л. Н. Толстой) = остановились, чтобы отыскать; *Однажды, желая причинить ей боль, он сказал ей, что отец сыграл в их романе непривлекательную роль...* (А. П. Чехов). С другой стороны, отсутствие в конструкции вербально оформленного грамматического показателя подчинения – союза или предлога – обуславливает размытость семантики, компиляцию целевого значения с причинным: *сказал, потому что хотел причинить боль; остановились, потому что хотели отыскать*. Так что семантическая квалификация данных конструкций не может быть однозначной. Тем не менее можно выделить ряд факторов, действие которых способствует активизации именно целевого значения.

Между глаголом и деепричастием устанавливается закрытая связь, которая проявляется, во-первых, в том, что примыкает всегда деепричастие несовершенного вида, вносящее значение одновременно совершающегося желаемого добавочного действия-цели – грамматический аспект. Во-вторых, связь лексически закрытая: примыкают и развивают сему «цель» деепричастия определенных лексико-семантических групп: 1) деепричастия, содержащие интенцию, указание на каузацию действия: *На другой день, **желая** загладить вину свою перед Людмилой, я купил на семишник леденцов ячменного сахара* (М. Горький); *Они стали укладываться перед огнем, как бы **собираясь** спать* (И. С. Тургенев); *Вот присел я у забора и стал прислушиваться; **стараясь** не пропустить ни одного слова* (М. Ю. Лермонтов). Имея в своем составе сему устремленности, проявляющуюся в большей или меньшей степени при начале оформления замысла (*желая*) или при его реализации (*пытаясь*), такие деепричастия оказываются в плоскости целенаправленных действий агенса и, более того, акцентируют стадиальность целевого акта; 2) деепричастия со значением говорения, которые могут быть сгруппированы по степени категоричности выражаемого ими добавочного действия: *В это время подвернулся губернатор... **прося** быть судьей в споре...* (Н. В. Гоголь); *Она еще долго жаловалась на свою... жизнь в этом доме, **умоляя** Ковригина войти в ее положение...* (А. П. Чехов); *Драгунский капитан... ударил по столу кулаком, **требуя** внимания* (М. Ю. Лермонтов); 3) деепричастия со значением движения, его каузации, а также обозначающие действия, сопровождающие движение: *Все обернулись туда, откуда выскочили гончие, **преследуя** зайца* (Л. Н. Толстой).

Деепричастные обороты со значением цели не теряют своей актуальности в языке современных СМИ: *Пилот имел полное право катапультироваться, **спасая** свою жизнь* (Российская газета. 26.10.2009); *Новоиспеченные хозяева... начинали терроризировать других собственников, **вынуждая** их продавать свои доли...* (Мир новостей. 23.03.2010).

Сообщать о цели способны и причастия, однако это цель «овеществленная», «воплощенная в вещи» [1, с. 45]. Такое значение развивается в силу особенностей категориального значения причастий и их синтагматических характеристик, так что, наряду с целевой, в таких конструкциях развивается атрибутивная семантика, а причастный оборот в целом начинает сообщать о назначении предмета: *К шапке была приделана стальная кольчатая сеть, **защищавшая** от сабельных ударов* (А. К. Толстой). = шапка, чтобы защищать от ударов; *В конце зимы в доме Щербацких происходил консилиум, **долженствовавший** решить, в каком положении находится здоровье Кити...* (Л. Н. Толстой).

В языке классической прозы подобные примеры немногочисленны, в отличие от языка современных масс-медиа, который ими перенасыщен. Причастные обороты сообщают о назначении предмета: а) конкретного

(Для начала выломали ... дверь, защищавшую вход в подвал (Собеседник. 17–23.03.2010); ...Вскоре будут созданы... электронные устройства, помогающие родителям... определять причину крика ребенка (Мир новостей. 23.03.2010) и чаще б) отвлеченного (Есть масса законов, регулирующих ту или иную сферу жизни (Мир новостей. 23.03.2010); Специалисты считают: нужна... программа, объединяющая все заинтересованные институты общества (Мир новостей. 23.03.2010).

Безусловно, развивать семантику назначения причастные обороты начинают под воздействием определенных факторов. Во-первых, исследуемые нами причастия восходят к глаголам целенаправленного действия (*защищать, регулировать, помогать, ограничивать*), содержащим в своей семантике указание не только на действие, но и на цель и в принципе не предполагающим дублирование целевой ситуации (функционирование конструкций типа *помогать, чтобы...*, *защищать, чтобы...* не свойственно языку); во-вторых, контактным словом всегда должно быть существительное, открывающее валентность на назначение.

Распространение конструкций с полипредикативными оборотами, сообщающими о назначении действия или предмета, можно считать новейшей тенденцией развития русского языка. Тем не менее ни причастные, ни деепричастные обороты, в силу специфики выражаемой ими семантики, выступающей в контаминации с причинным или атрибутивным значениями, обусловленной характером синтаксической связи между контактным словом и причастием или деепричастием, а также в связи со стилистической маркированностью контекстами книжного характера, не могут быть квалифицированы как актуальные и в линейке традиционных синтаксических средств, сообщающих о цели, представляются нетипичными.

Библиографический список

1. Левонтина И. Б. Целесообразность без цели // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1.
2. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. – М. : Наука, 1980.

АНТОНИМИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Н. В.Клепиковская

Кандидат филологических наук, доцент,
Северный Арктический
федеральный университет,
г. Северодвинск, Архангельская область,
Россия

Summary. This article deals with such linguistic phenomenon as antonymy in the field of technical terminology. There are different types of antonyms that can be met both in literary language and technical terminological systems. They are lexical and word-building antonyms, contrary and complementary antonyms.

Keywords: technical terminology; antonyms; terms.

Антонимия как один из видов несоответствия понятий и средств их названия присуща терминосистеме так же, как и системе общего языка и протекает в терминологии аналогично данному процессу в общезыковой лексике. Антонимия не так широко освещена в научной литературе, поскольку это явление не противоречит самой сущности термина, и не нарушает основных принципов терминологии, таких как точность, однозначность, стилистическая нейтральность [2, с. 218].

Антонимия в терминосистеме проявляется в существовании слов-терминов с противоположным значением. «В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков» [5, с. 303].

Антонимические отношения в терминологии проявляются на лексическом и на словообразовательном уровне. Словообразовательная антонимия выражается посредством использования префиксов. Лексическая антонимия проявляется в противопоставлении лексических единиц.

В результате обследования языкового материала, в состав которого входят технические термины английского языка, были выявлены два вида антонимов: лексические и словообразовательные.

Словообразовательные антонимы в технической сфере, зафиксированные в рамках однословной терминологии, составляют терминологические пары, реализующиеся в двух подвидах. Первый случай представлен оппозицией, один член которой образуется при помощи префиксов, выражающих значение 'действие, признак, противоположный тому, которое выражено основой', а второй член характеризуется отсутствием подобных элементов. К числу таких префиксов относятся: *dis-*, *in-*, *un-*, *non-*. Второй случай словообразовательной антонимии представляет собой терминологические оппозиции, члены которой образованы при помощи префиксов противоположного значения.

Ниже приводятся примеры словообразовательных антонимов в сфере технической терминологии:

excited ‘возбужденный’ – *unexcited* ‘невозбужденный’ [1, с. 214, 566];
conductor ‘проводник’ – *non-conductor* ‘непроводник, диэлектрик’ [4, с. 151; 1, с. 350];

charging ‘зарядка’ – *discharging* ‘разрядка’ [1, с. 79, 145];

complete ‘замкнутый’ – *incomplete* ‘незамкнутый’ [3, с. 23, 45];

outlet ‘выпускной клапан’ – *inlet* ‘впускное отверстие’ [1, с. 366, 275].

Лексические антонимы фиксируются в рамках как однословной, так и составной терминологии и представляют собой противоположные по значению терминологические единицы.

Ниже приводятся примеры лексических антонимов в сфере технической терминологии:

dead steam ‘отработанный пар’ – *live steam* ‘свежий пар’ [1, с. 500];

conductor ‘проводник’ – *isolator* ‘изолятор’ [4, с. 15];

marry ‘соединять’ – *divorce* ‘разрывать соединение’ [6, с. 133];

female connection ‘соединение с соединительной деталью, охватывающей другую деталь’ – *male connection* ‘соединение с соединительной деталью, входящей в другую деталь’ [1, с. 102];

open circuit ‘незамкнутая цепь’ – *closed circuit* ‘замкнутая цепь’ [1, с. 83].

При определении антонимии с логической точки зрения центральным является понятие противоположности. Различают следующие виды противоположности: контрарная и комплементарная [7, с. 6–9; 8, с. 210–211], в соответствии с которыми выделяют классы антонимов.

Контрарные антонимы представляют собой члены не строгой оппозиции, между которыми существует средний, промежуточный член. В специальном языке данный тип антонимов представлен разнокоренными лексическими единицами: *round head* – *flat head* [1, с. 248], *conductor* – *dielectric* [4, с. 151; 200]. Данные антонимические пары могут быть расширены, дополнены средним членом: *round head* – *mushroom head* – *flat head*; *conductor* – *semiconductor* – *dielectric*.

Комплементарные антонимы представляют собой члены антонимической пары, дополняющие друг друга до единого целого, между которыми нет среднего, промежуточного члена.

Комплементарные термины-антонимы по своей структуре могут составлять пары однокоренных терминов, один член которой образован при помощи префикса со значением отсутствия какого-либо признака, или пары разнокоренных терминов с противоположным значением.

Приведем примеры разнокоренных и однокоренных комплементарных антонимов, составляющих антонимические пары: *soldering* – *unsoldering*, *connecting* – *disconnecting*, *broken circuit* – *closed circuit*, *female adapter* – *male adapter* [1, с. 486, 567, 102, 146, 83, 11].

Исследование антонимических отношений в технической терминологии английского языка показывает наличие различных видов антонимов, характерных для общезыковой системы, что подтверждает тот факт, что данный вид лексико-семантических отношений свойствен языку науки не меньше, чем общезыковой системе.

Библиографический список

1. Лысенко В. А. Современный англо-русский морской технический словарь. – Киев : ИП Логос, 2005. – 608 с.
2. Одинокова Г. И. К вопросу о типах антонимических противоположностей в терминологии // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С. 217–219.
3. Присяжнюк Л. И., Сергейчик Ю. В. Английская морская лексика и терминология по судовождению и багермейстерским работам. – Одесса, 2002. – 95 с.
4. Фаворов П. А. Англо-русский морской словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – 792 с.
5. Юздова Л. П. Антонимия русских адвербиальных фразеологизмов как один из полеобразующих признаков фразео-семантического поля качественности // Вестник Челябинского университета. – 2009. – № 5. – С. 302–308.
6. Layton T. Dictionary of Nautical Words and Terms. – Glasgow, 1995. – 244 p.
7. Mühleisen V. L. Antonymy and semantic range in English: diss. ... DPh. – Evanston, Illinois, 1997. – 207 p.
8. Spenader J. Antonymy and Contrast Relations // Proceedings of the 8th International Conference on Computational Semantics. – Tilburg, 2009. – P. 210–221.

ПРАГМАТИКА НЕКАТЕГОРИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. Б. Маслова

*Преподаватель,
Национальный технический
университет Украины «КПИ»,
г. Киев, Украина*

Summary. The paper is concerned with the function of non-categorical utterances used as the rhetorical strategy of “hedging” in the English scientific discourse. The author gives a number of extralinguistic reasons for using hedges in scientific communication, presents the basic classification of hedging markers of the English language, and considers the pragmatic potential of hedging.

Keywords: hedging; scientific communication; English language.

В прагматике каждый речевой акт характеризуется на основе интенций говорящего, его сознательном или интуитивном выборе манеры ведения разговора и воздействия на собеседника. Принцип кооперации и принцип вежливости являются главными правилами регулирования и оптими-

зации языкового общения [5]. Согласно принципу кооперации Г. П. Грайса для достижения эффективного речевого взаимодействия следует выполнять требования оптимального количества, качества, релевантности, а также способа передачи информации, излагая мысли максимально кратко, ясно, логично, основываясь на достоверных фактах. Принцип вежливости в свою очередь говорит о важности соблюдения речевого этикета, правил учтивости и уважительности по отношению к собеседнику, что среди прочего подразумевает выражение солидарности, одобрения, симпатии и такта с помощью более мягких, завуалированных формулировок. В использовании данных принципов коммуникации следует придерживаться разумного компромисса [4, с. 147], так как между принципом кооперации и принципом вежливости нередко возникает противоречие. В связи с этим, категоричность/ некатегоричность высказываний рассматривается как оппозитивная лингвопрагматическая категория, которая соотносится с двумя противоположными речевыми стратегиями. В одном случае говорящий уверен в истинности сообщаемых данных и настаивает на своем мнении, а в другом – высказывает некоторую неуверенность [1, с. 6–7].

Нормативный статус некатегоричных высказываний в стилистике научной речи объясняется комплексом экстралингвистических факторов:

- в современном контексте научное познание предполагает не установление абсолютной истины, а длительный поиск и разработку различных вариантов решения проблемы, поэтому любая логично обоснованная теория в конечном итоге является потенциальным объектом конструктивной критики и существенного усовершенствования;

- некатегоричность высказываний создает предпосылки для успешного продолжения научной дискуссии, дальнейшего развертывания научного дискурса в виде дополнений, уточнений и даже полного пересмотра изложенных данных;

- традиционные этические нормы общения, сложившиеся в течение многих лет, требуют от членов научного сообщества гибкости мышления, толерантности по отношению к мыслям коллег, а также критического отношения не только к чужим, но и собственным научным результатам;

- основываясь на принципах коммуникативного сотрудничества, можно утверждать, что ослабление давления на адресата и создание благоприятных психологических условий общения за счет использования некатегоричных высказываний способствует достижению максимальной успешности коммуникации и оказывает большее прагматическое влияние [3, с. 14–30].

Функционирование некатегоричности в научной речи английского языка обусловлено также национальным менталитетом и культурными нормами речевого поведения [1, с. 5; 2, с. 74; 3, с. 23]. В ряде работ по стилистике и методике преподавания английского языка подчеркиваются такие особенности общения как вежливость, кооперативность, дистантность,

косвенность и неимпозитивность (сведение до минимума прямого коммуникативного воздействия на собеседника). В англоязычном научном общении характерной является некатегоричная манера формулировать оценочное мнение, в частности похвалу и критику [1, с. 9].

В зарубежной лингвистике некатегоричные высказывания рассматриваются как средства «хеджирования» (от англ. *hedge* – ограда, защита, уклонение), которые ограничивают степень уверенности в истинности высказываемого и тем самым ограждают говорящего от опасности «потерять лицо» и претерпеть коммуникативную неудачу [6, с. 19]. Стратегия хеджирования реализуется за счет разноуровневых языковых средств, среди которых в первую очередь выделяют:

- модальные глаголы *can, could, may, might, will, would*,
- модальные вспомогательные глаголы *seem, appear*,
- эпистемические глаголы (*assume, expect, speculate, suggest*),
- наречия, прилагательные и существительные, выражающие вероятность (*likely, possibly, presumably, probably, reasonable, assumption*),
- аппроксиматоры количества, частоты, времени (*approximately, roughly, quite, usually, generally, occasionally*),
- личные местоимения *I/ we*, употребляемые с глаголами, обозначающими мыслительный процесс (*think, believe, consider*),
- безличные и пассивные конструкции,
- формы ослагательного наклонения,
- выражение отношения противопоставления и уступки [1; 2; 5; 6].

Кластеры или цепочки из несколько видов хеджирования (т.н. «*strings of hedges*») обычно состоят из двух компонентов (*It may suggest that; It seems probable; It would indicate that*), однако могут быть и многокомпонентными (*It would seem likely that; It seems reasonable to assume that; It would seem somewhat unlikely that; It may appear somewhat speculative that*). При этом некатегоричность может не только усиливаться, но и ослабляться, так как намеренная модуляция категоричности привлекает внимание адресата [2, с. 231–242; 6, с. 15–16].

В целом, языковые средства хеджирования могут использоваться для видоизменения пропозиции и уменьшать категоричность утверждений в силу того, что имеющиеся в распоряжении научные данные не позволяют выразиться более категорично [6, с. 25]. В этом случае коммуникативный акт регулируется принципом кооперации.

Однако главная цель хеджирования как риторической стратегии, основанной на принципе вежливости, – это ослабление иллокутивной силы высказывания, которое иначе может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно, и установление этичных межличностных отношений между коммуникантами.

Ряд исследований показывает, что частотность и типология средств хеджирования в научных работах на английском языке в некоторой степе-

ни конвенциализированы. В академических статьях некатегорические формулировки встречаются во Введении (*Introduction*), где обосновывается позиция автора, выдвигаются новые идеи; в разделе Обсуждение (*Discussion*), который обычно содержит не только рассуждения самого автора, но и ссылки на работы других ученых; а также в Заключение (*Conclusions*), так как безапелляционные выводы могут быть уязвимы для критики. Кроме этого, участники научной коммуникации каждый раз выбирают те языковые средства хеджирования, которые считают наиболее уместными для выражения своей точки зрения, своих знаний, своего отношения к оппонентам. Исследования риторических стратегий, которые реализуются в англоязычных лингвистических научных текстах, например, показали, что некатегорические высказывания в основном используются для смягчения негативных оценок, диалогизации рассуждения и прагматической поддержки сообщений о собственном знании, позволяя личности автора проявиться более ярко [6, с. 22].

Таким образом, функционирование некатегоричных высказываний в англоязычной научной коммуникации определяется нормами научного стиля, этнокультурным фактором и прагматикой речевого акта. Умение правильно применять и интерпретировать хеджирование является одной из основных коммуникативных компетентностей, необходимой для владения иностранным языком на высоком уровне [6, с. 20]. Дальнейшее изучение категории некатегоричности в научной речи имеет большое значение для успешного межкультурного общения, развития теории перевода, практики преподавания иностранных языков.

Библиографический список

1. Гущина Г. И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи (на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.20. – Уфа, 2009. – 19 с.
2. Ільченко О. М. Етикет англомовного дискурсу : монографія. – К. : ІВЦ «Політехніка», 2002. – 288 с.
3. Милянчук Н. С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01. – Владивосток, 2005. – 214 с.
4. Основи комунікативної лінгвістики : підручник / Ф. С. Бацевич. – 2-ге вид., доп. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 376 с.
5. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. – Винница, Нова Кньга, 2009. – 272 с.
6. Цапко В. И. Некатегоричные высказывания в лингвистических текстах: на материале английского и русского языков : автореферат дис. ... кандидата филолог. наук : 10.02.20. – Пятигорск, 2009. – 26 с.

К ВОПРОСУ О ТРЕХМЕРНОСТИ ФУНКЦИЙ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ

И.С. Попова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный
университет, Гуманитарный институт,
г. Северодвинск, Россия*

Summary. The article deals with the functional potential of constructions with direct speech in an orally produced discourse. The study of constructions with direct speech showed that the introduction of these constructions breaks the linearity of thinking of oral speech and interrupts the flow of information. From the point of view of the communicative purpose the constructions in question are multifunctional.

Keywords: oral speech; direct speech; intention of a communicant; linguistic personality; text; language; discourse.

Все конструкции с прямой речью обладают функциональным потенциалом, прежде чем приступить к их изучению и исследованию следует определиться с основными исходными понятиями – «язык», «речь», «текст / дискурс», формирующими трехмерность функций построений с прямой речью в устнопорождаемом дискурсе.

В широко распространенном определении языка как средства общения говорится не о том, что представляет собой язык, а для чего он предназначен [3, с. 7].

Формы существования языка различны: ученые говорят о языке вообще, как о достоянии всего человечества, его способности к обобщению своего опыта и приобщению к опыту всего коллектива; о конкретном языке (русском, английском, немецком и т. д.); об индивидуальном языке, языке каждого конкретного человека, каждой личности. Специфика языка заключается в том, что во всех указанных формах существования он оказывается непосредственно не наблюдаемым. Наблюдению доступны только представления языка в процессе общения – речь, и результат этого процесса – текст [3, с. 7].

Речь рассматривается в языкознании как одна из двух основных категорий «язык» – «речь» в их единстве и противопоставлении. Обычно речь при этом понимается как реализация системы языка. Подобная трактовка восходит к учению Ф. де Соссюра [6, с. 57].

А. Т. Хроленко выделяет целый ряд основных свойств, который отличает речь от языка: 1) речь – это реализация, язык – установление; 2) речь индивидуальна, язык социален; 3) речь свободна, язык фиксирован; 4) речь случайна, язык существен [7, с. 218].

Некоторые лингвисты полагают, что речь – это процесс сознания, выражаемый посредством языковых знаков. Язык – материал для построе-

ния речи, а речь – «здание для мысли, точнее – для процесса сознания, возводимое из этого материала» [5, с. 62].

При изучении системы языка и ее функционирования в речи необходимо видеть различие между их сущностью и обыденными представлениями о них. Пристальное внимание к процессам формирования и функционирования языковых знаков проливает свет на такие проблемы как природа и содержание текста и его соотношение с понятием дискурса, ставшим популярным в последнее время [1, с. 97].

Текст – это объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Большинство исследователей понимают под текстом образец письменной речи, характеризующийся «композиционной продуманностью, стилистической выверенностью, синтаксической правильностью и структурной завершенностью» [8, с. 161].

Текст и дискурс – понятия перекликающиеся, но не тождественные. Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации и функционирует в ней, коммуникация без дискурса невозможна [2, с. 202].

Дискурс, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивается динамический, развивающийся во времени характер языкового общения. Текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности [7, с. 218].

Специфика построений с прямой речью различна в языковом, речевом и текстовом аспектах.

В языковом аспекте следует рассматривать вопрос о месте структуры с прямой речью в грамматической системе немецкого языка. На грамматическом уровне конструкции с прямой речью, как уже указывалось выше, являются синтаксическими структурами особого типа, имеющими промежуточный характер в отношении пересечения зон сложного предложения и сверхфразового единства. Прямая речь является прототипом передачи чужой речи, собственно ее функция в языке – это передача чужого.

В речи с помощью воспроизведения чужих слов посредством прямой речи коммуникант может связать собственное высказывание с чужим. Благодаря использованию конструкций с прямой речью говорящий способен вовлечь партнера в проигрываемую ситуацию возможных реалий. Включая прямую речь в коммуникативный акт с указанием на авторство приводит-

мых слов, продуцент речи отграничивает свое и чужое, снимает с себя ответственность за сказанное другим человеком [4, с. 157].

Интерес представляет функционирование устнопорождаемых построений с прямой речью и передача их с позиции дискурса / текста. Изучая конструкции с прямой речью в устнопорождаемом дискурсе, важно отметить разнообразие функций, которые они выполняют. Рассматриваемые конструкции несут в себе важную информацию (когнитивную, эмоциональную, пояснительную, уточняющую, модально-оценочную и т. д.), играют текстообразующую роль.

Библиографический список

1. Архипов И. К. Человеческий фактор в языке. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2003. – 114 с.
2. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.
3. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста. – М. : Высшая школа, 2006. – 207 с.
4. Попова И. С. Функциональный потенциал прямой речи в устнопорождаемом дискурсе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 ноября 2015 г., г. Екатеринбург). В 3 ч. Ч. 3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – С. 157–159.
5. Савченко А.Н. Лингвистика речи // Вопросы языкознания. – 1986. – № 3. – С. 62–69.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
7. Хроленко А. Т. Теория языка. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 512 с.
8. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка. – М. : Изд. центр «Академия», 2005. – 256 с.

II. THE LINGUISTIC ANALYSIS OF CONTEMPORARY MEDIA SPHERE

FUNCTIONS OF INTERLANGUAGE RECODING IN MODERN FRENCH NEWSPAPERS

E. A. Protsenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Voronezh Institute of the Russian Ministry
of the Interior, Russia*

Summary. The article is devoted to the peculiarities of functioning of lexical items recoded from Russian in contemporary French newspapers. Main functions of the analyzed lexical items are revealed, pragmatic meaning is defined, and some stylistic devices are described.

Keywords: interlanguage recoding; russianisms; French newspapers; national and cultural determination; expressive means; stylistic device.

In the age of globalization the increasing attention is given to language contacts. The shift towards studying peculiarities of cross-cultural communication gives a new horizon of linguistic studies, highlighting various aspects of language interactions and putting forward the problem of their detailed description and systematic comprehension.

The relevance of the chosen topic is determined by the fact that different aspects of language interactions are still being studied in modern linguistics for a number of objective difficulties. Up to date there are a number of works devoted to pragmatics of foreign words [1], as well as pragmatic functions of code switching. At the same time most authors refer to the study of foreign language signs' functions in literature [3], although there are few papers about the role of code switching in bilingual oral speech [2].

We are focusing our attention on the modern press because nowadays the media space is considered by most researchers as one of the most important means of mass communication. It is generally accepted that the media have not only informative function but also have a decisive influence on the worldview formation, speech regulating functions and are «the inheritor of the normative function» [2, p. 7]. Many researchers agree that in the modern world it is the media space that is not only an indicator of the ongoing changes but also has a decisive influence on the formation of the mass consciousness, including the language one. Moreover, it is the language of the mass media that «is a kind of "transit point" for foreign language vocabulary in its transition to the literary language» [1, p. 17].

This article presents the results of studying peculiarities of using recoded from Russian lexical units aimed to identify their most common functions in the modern French press. Our research was conducted on the material of articles published in the most prestigious French national periodicals for a period from 1995 to 2015: «Le Figaro» [4], «Le Monde» [5], «Libération» [6].

By «inter-language recoding» we mean the process of coding one language system unit in accordance with the rules of a different language system, for example, Rus. *омбrella* from Fr. *ombrelle* and, on the contrary, Fr. *la baboulinka* from Rus. *бабуленька*, Eng. *Vojd* from Rus. *вождь*, etc. The interlanguage recoding results in borrowing, understood in the broad sense as a penetration of elements from other linguocultures, whether they are cultureme, concepts or language units.

First, it should be noted that a significant proportion of recoded units are proper names, which are used in nominative function. What is more, French newspapers referred to a fairly wide and diverse range of people, from historical figures such as *Piotr Veliki*, *tsar Nicholas II*, *Iossif Vissarionovitch Djougachvili*, *dit Staline* to contemporary political figures (for example, *Vladimir Poutine*, *Mikhaïl Gorbatchev*, *Alexeï Navalny*, etc.); from the world-famous Russian writers such as *L.Tolstoï*, *M. Gorky*, to little known and not published in Russia authors of recent years, for example, *Alexander Ikonnikov*. There are even ordinary Russian names such as *Slava*, *Grisha*, *Leonid*, *Viktor*, *Natacha* and *Tatiana*.

Of special note is a frequent use of Russian newspapers and magazines' names (e.g., le journal russe *Komsomolskaïa Pravda*, le quotidien populaire *Moskovski Komsomolets* (МК), and others), as well as television channels and other mass media. As an example, the following context can be given:

«Vendredi soir à Moscou, lors de sa cérémonie annuelle de remise des prix, l'Académie de télévision a récompensé trois émissions de la chaîne NTV réputées pour leur indépendance de ton et récemment supprimées: le programme d'informations *Namedni* (la Veille), celui d'analyses *Krasnaïa Strela* (Flèche rouge) et le talk-show *Svoboda Slova* (Liberté de parole)». [6, 27.09.2004]

Some recoded from Russian language units are used in their denotative highly specialized meaning, eg., *rybnik* from Rus. *рыбник* (fish soup), *vakhtovik* from Rus. *вахтовик* (working in shifts), or as a special term, such as *Mir* from Rus. *Мир* (space station), *Tsoup* from Rus. *ЦУП* (Mission Control Center), etc. Their use is largely determined by the need to accurately convey the corresponding concept that is absent in the host language (HL).

A large proportion of recoded lexical units are toponyms and antroponyms. And, if in the case of large and well-known cities, such as *Moscow* or *St. Petersburg*, nominative function clearly dominates, then the description in the French press of cities such as *Orel*, *Kirov*, *Jelesnogorsk* or *Semiluki* gives emphasis on creating national colors or the function of «exoticization».

Among the toponyms, a special focus can be put on the names of political parties and movements, for example, *la Douma*, *Iabloko*, *KPRF*, *SPS*, *Narod*, *le*

Mouvement contre l'immigration illégale (DPNI), etc. The use of the recoded units, in this case, performs not only the nominative, but also the informative function, being in equal measure a means of national and cultural specifications. This is evidenced by the fact that journalists have resorted to interlanguage recoding, despite the presence of interlingual translation equivalents.

In other words, the nominative function is often combined with the specification of material culture, social or socio-political life of the Russian people, and in this case recoded words act as a means of national and cultural determinations. For example, while discussing the need to pay for goods in rubles or in conventional units (*y.e.*), the recoded word is explained in the context: «Ye ou roubles. <...> Les prix sont affichés en «ye», une monnaie fictive correspondant au cours du dollar du jour, un bureau de change est à la disposition des clients près du vestiaire, car on ne paie qu'en roubles comme le veut la loi russe». [6, 26.04.2001]

Examples of such culture-specific concepts are *narod*, *narodnitchestvo*, *zemstvo*, *oprichnik*, *pereselentsy* etc. It is indicative that their meaning is usually explained in the context, for example: *des opritchniki, une «troupe satanique», dévouée au tsar corps et armes* [6, 17.03.2010]; *Narodnitchestvo, de narod – people* [5, 18.05.2002]; *Les narodniki de narod, people* [5, 6.05.1995] etc.

A similar function is proper to recoded units formed in order to name Russian dishes, for example: «Parmi les spécialités de la maison, réalisées par le chef pâtissier Damien Piscioneri, des classiques russes comme le Medovick (biscuit au miel de sarrasin, crème sgouchonka, crème smetana) et de très élégantes pâtisseries, à l'image de la religieuse couleur or (crème au gianduja, compotée de poires à la vanille) ou de l'éclair Tvorog nacré (fromage blanc parfumé à la vanilla)». [4, 13.02.2014]

Thus, introducing to French readers national specific features of the Russian culture and way of life, journalists frequently resorted to interlanguage recoding as a means of transferring ethno-cultural specifics and as a means of national and cultural determinations. In this context, recoded vocabulary is a means of linguistic representation of ethno-cultural and culture-oriented language information, acting as a sign of another language and another culture.

Of the more modern concepts *la propiska* (registration) is often referred to. It is regarded as a relic of the past and a symbol of the return to Stalinism: «Depuis les années 30 et le régime de Staline, Moscou jouit d'un statut juridique spécial. Y sévit toujours, notamment, le régime de la propiska: l'enregistrement obligatoire auprès des autorités municipales de tout individu, Russe ou étranger, même touriste». [6, 18.09.2000].

However, the above listed functions do not cover a great variety of recoded units' usage. In some cases, the use of recoded from Russian lexical units makes actual their expressive and stylistic features and reinforces the emotional impact on the reader. When using the recoded lexical unit as an expressive means, it not only represents a more concise and precise form of language ex-

pression, but also reproduces some features that are absent in HL. For example, as Fr. *guide* cannot be considered stylistically and pragmatically equivalent to Rus. *вождь*, journalists have to resort to interlanguage recoding for transmitting the corresponding concept into French:

«Remarqué pour son dévouement à la personne du Vojd (le Guide, comme on nommait Staline) – en 1933, il publie un article où le nom de Staline figure 69 fois, souligné en gras, le petit fonctionnaire au physique de principal de collège est enfin nommé adjoint du procureur general» [5, 25.02.2003].

The authors of different publications are trying to explain a quite capacious, historically and culturally bound concept «*вождь*» in different ways: as «*le chef bien-aimé*» (*Vojd'*) («beloved boss») [4, 11.08.1998] or «*le Vojd, le père de la patrie soviétique*» («the father of the Soviet motherland») [4, 06.05.2006], etc. However, the recoded from Russian language word *vojd* remains in all contexts, as well as its associative links with I.V. Stalin. In addition to the transmission of national-specific concepts, this example makes evident certain connotations adding more expressivity to the text.

Another example of recoded units functioning as an expressive means, both more concise and semantically capacious, is the use of the word *gloubinka* in the article heading «Le Béninois de la «gloubinka». The article describes a big, according to the French scale, town of Novozavidovo (8,000 inhabitants), which is regarded as provincial: «Gros bourg de 8 000 habitants dans la province de Tver, à deux heures de Moscou, Novozavidovo a beau jouxter le territoire d'une des résidences du président russe et être un lieu de villégiature prisé des Moscovites, il connaît tous les maux de la gloubinka, la province profonde» [6, 29.04.2011].

It is obvious that the use of recoded from Russian lexical units in expressive function or with emotional evaluation can be regarded as a stylistic technique used by journalists in order to achieve a certain pragmatic effect and reinforce the emotional impact on the readers.

In conclusion, it should be noted that recoded from Russian lexical items are quite diverse and relatively frequent in the modern French press. Their use in newspaper articles is motivated by the author's pragmatic intention and is usually related to the need to transmit cultural identity, while possessing a certain expressive or stylistic connotations. They perform in a newspaper text a variety of functions, such as nominative, informative, function of the national-cultural determination, symbolic, expressive, emotional and others.

Bibliography

1. Камалетдинова А. Б. Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации: 1996–2001 гг.: автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 24 с.
2. Колядина Н. С. Прагматические функции переключения кодов в речи билингвального персонажа (на материале произведений Б. Акунина) // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Том 5. №2. С. 47-52. URL::

http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_54.pdf (дата обращения 01.08.2016)

3. Проценко Е. А. Переключение языковых кодов и его функции в художественной прозе Ф. М. Достоевского // Филологические записки. – Воронеж, 2002. – № 18. – С. 199–207.
4. Le Figaro [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.lefigaro.fr/>
5. Le Monde [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.lemonde.fr/>
6. Libération [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.liberation.fr/>

III. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUISTIC IDENTITY

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ ЭВЕНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. This article provides some information about the language and the Evens ethnogenesis. Sociolinguistic research data collected in the places of compact residence of the Evens are also in Yakutia over the years are mentioned.

Keywords: Even language; classification; ethnic history; assimilation; culture.

Эвены являются одним из малочисленных народов Севера и Сибири Российской Федерации. В этнографической литературе известны как ламуты, что означает «приморские жители». Эвены живут на обширной территории Северо-Востока Азии локальными группами в следующих административных районах: в Республике Саха (Якутия) – Аллаиховском, Момском, Томпонском, Среднеколымском, Верхоянском, Усть-Янском, Кобяйском, Нижнеколымском, Оймяконском, Абыйском, Булуномском, Эвено-Бытантайском; в Магаданской области – Ольском, Северо-Эвенском, Омсукчанском, Тенькинском, Ягоднинском; в Хабаровском крае – Охотском; в Чукотском автономном округе – Билибинском, Анадырском; в Камчатской области – Быстринском; в Корякском автономном округе – Пенжинском, Олюторском, Тигильском.

По данным всероссийской переписи 2010 г. численность эвенов насчитывается 21830 человек, из них эвенским языком владеет 6080 чел. Эвенский (ламутский) язык относится к северной группе тунгусо-маньчжурских языков.

Этническая история эвенов может быть разделена на четыре основных периода: 1-й (ранний) – до X в. Распад пратунгусской языковой общности сопровождался расселением тунгусоязычных племен из Прибайкалья на северо-восток. Активную роль в формировании эвенского этноса сыграли древние контакты с аборигенным палеоазиатским, а отчасти и пришлым монголо-тюркским населением Сибири; 2-й – с X по XVII в. Переселение якутов на Среднюю Лену, которое завершилось в XIII в. Пере-

ход части эвенов на северо-восток Сибири сопровождался ассимиляцией с юкагирами на севере и коряками – на востоке. Оставшаяся часть эвенов отчасти подверглась слиянию с якутским этническим окружением; 3-й – с XVII по XX в. Приход русских в Восточную Сибирь способствовал продвижению эвенов на новые территории вплоть до Чукотки и Камчатки; 4-й – современный. Переход к оседлому образу жизни, массовому двуязычию (начиная с 20-х гг. XX в.)» [1].

Эвены на территории Республики Саха (Якутия) на протяжении многих столетий проживают в культурном, политическом и социально-экономическом взаимодействии с представителями 4 коренных малочисленных народов Севера (эвенками, чукчами, юкагирами, долганами), принадлежащими к разным этническим группам, различающихся по антропологическим чертам, культуре, языку, традициям и самосознанием.

Для большинства эвенов республики исторически характерно эвенско-якутское двуязычие, а в XX в. – эвенско-якутско-русское трехязычие, а в некоторых районах проживания эвенов, в частности, у эвенов Нижней Колымы отмечается многоязычие, кроме родного языка, они используют якутский, русский, юкагирский, чукотский языки.

В Якутии в настоящее время, в связи с принятием законов о языках в РФ и РС (Я) функционируют два государственных языка: русский язык, язык народа Саха и пять официальных языков в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В этом большом «котле» языков в течение длительного времени эвенский язык, имеющий множество говоров и диалектов, подвергся и подвергается влиянию различной адаптационной и ассимиляционной эволюции

В настоящее время хорошо исследованы лишь говоры восточного наречия эвенов, ареал проживания которых является Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край, на территории же Якутии диалектологические исследования далеки от завершения [2]. По языку ряда локальных групп эвенов Якутии существуют только отрывочные сведения. В последнее время идет интенсивная ассимиляция языков малочисленных народов Севера и поэтому характеристика говоров и диалектов эвенов Якутии имеет большое значение для описания исчезающих языков. Также при выявлении и описании языковых особенностей, классификации имеющихся данных необходимо учитывать специфику функционирования языка в нынешней ситуации и условиях.

Неповторимым вкладом коренных малочисленных народов Севера, в том числе и эвенов, является создание оленеводческой культуры на полюсе холода, сохранение его в течение многих столетий. Более того, каждый народ сформировал уникальную, своеобразную и самобытную этническую культуру, верования, обычаи и традиции, обеспечив непрерывную связь поколений.

Библиографический список

1. Роббек В. А. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск : Наука, 2005.
2. Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Лингвистические контакты эвенов Якутии // Европейский журнал социальных наук. – Москва, 2012. – № 8(24).

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ВЕДЕНИЯ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ

Т. Г. Сорокина

*Преподаватель,
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Summary. The article points out various ways to define cross-cultural communication and areas which deal with it. Due to the impact of globalization the study of business correspondence becomes the object of scientific research. The language and style of official correspondence is different from "credentials" and implies a certain choice of style and linguistic patterns, i.e. a certain standard of writing a business letter according to some linguistic forms, language constants.

Keywords: cross-cultural communication; business correspondence; business letter; cross-language constants.

В современном мире с его все нарастающими тенденциями к интеграции и диалогу большую значимость приобретает вопрос о полноценном взаимопонимании людей, представляющих различные по форме и содержанию культуры, способы мышления, приоритет ценностей и особенности поведения. В условиях всеобщей глобализации проблемы межкультурной коммуникации привлекают внимание все большего числа исследователей. Существует множество определений слова «коммуникация». Американскому исследователю теории коммуникации Фрэнку Дэнсу удалось насчитать 96 дефиниций этого понятия. Но все определения слова коммуникация так или иначе отражают его происхождение от латинского слова *communis* - делаю общим, связываю, общаюсь. Отсюда определение его основного значения через понятие «общение». Вероятно поэтому в рамках современных лингвистических исследований понятия «коммуникация» и «общение» часто используются недифференцированно, т. е. в качестве синонимов. В «Психологии делового общения» эта категория характеризуется как средство организации взаимодействия между субъектами труда, которое включает в себя использование знаковых систем в следующих целях: установление и развитие деловых контактов; обмен информацией; восприятие и понимание друг друга; выработка единых правил взаимоотношений; обсуждение и решение общих вопросов и совместных задач...» [1, с.13].

Как показывает анализ научных работ по межкультурной коммуникации, существуют различные направления исследований в этой области. Ряд ученых сосредоточивает внимание на лингвострановедении, других интересуют этнолингвистика, которая изучает вопросы взаимодействия языка с различными аспектами жизни этносов, роли языка в формировании и функционировании народной культуры, национальной психологии и искусства. Многие ученые концентрируют внимание на лингвокультурологии и занимаются изучением обрядов, поверий, ритуалов и обычаев, закрепленных в языке, их интересуют стереотипы, символы и образы языка, языковой этикет. Наблюдается также повышенное внимание к вопросам межкультурной коммуникации со стороны исследователей, чьи интересы лежат за пределами лингвистики. Представители таких гуманитарных наук как психология, педагогика, культурология, социология, теория коммуникации, этнология, семиотика постоянно обогащают теорию межкультурной коммуникации новыми подходами и исследованиями (Дж. Лич. Лингвопрагматика: Максимум вежливости). К новым тенденциям в изучении межкультурной коммуникации можно отнести, например, культурно-антропологический подход, для которого характерно внимание не только к непосредственному процессу коммуникации, но и к обусловленности этого процесса социокультурным опытом, знаниями, ценностями и представлениями, исторически сложившимися в каждой культуре и усвоенной ее носителями (П. Грайс, Дж. Лич, Б.Ф. Ломов).

Повышенное внимание имеет изначальная лингвистическая направленность исследований по межкультурной коммуникации. В связи со значительным расширением деловых связей повышается интерес к изучению языка письменной деловой коммуникации в контексте межкультурного общения. Культура деловой переписки становится объектом научного исследования. Ведь успех любой деятельности на внутреннем и внешнем рынках зависит не только от знаний, опыта, способностей, умений и навыков персонала, но и умелого взаимодействия компании с партнерами и клиентами. Исследование языка и стиля официальной переписки, а также этических норм и этикета делового общения способствуют искусству убеждать. Язык и стиль официальной переписки принципиально отличается от так называемых «доверительных писем», в которых автор проявляет себя как личность. В официальном же письме частное лицо или представитель фирмы выступает как субъект правоотношений, содержание таких писем основывается на праве и может служить предметом прямой правовой оценки. Правовая сущность официальной переписки и предопределяет характер содержания писем, их стиль и язык.

Существуют особые требования к стилю и языку служебных документов:

- нейтральность;
- надличностный характер изложения;

- унификация (трафаретизация);
- типизация речевых средств.

Деловая переписка предполагает определённый стандарт делового письма, установившиеся лингвистические формы, межъязыковые константы. Ведь незнание или несоблюдение элементарных правил при составлении деловых писем ведут к потере рабочего времени, а иногда – к взаимному непониманию. Документная лингвистика (Т. Б. Назарова, С. П. Кушнирук, В. В. Калюжной, З. Я. Тураевой, Н. Н. Разговоровой, Ю. К. Воробьева, В. Ю. Дорошенко, И. Д. Сухановой, З. И. Гурьевой, А. И. Сорокиной) формулирует концептуально важные исходные посылки речевой коммуникации, касающиеся проблем делимитации делового текста, иерархии его структурных единиц и роли основных текстовых категорий в организации коммуникативно-прагматических блоков, составляющих текст делового документа. По мнению З. И. Гурьевой, «проблема коммуникативной компетенции современной деловой личности представляется крайне важной, прежде всего, с практической точки зрения, поскольку именно речевая коммуникация является тем связующим процессом, который предопределяет успех деятельности в такой важной области жизнедеятельности человека как сфера бизнеса» [4].

Речевая коммуникация в процессе ведения деловой переписки представляет собой текстовую деятельность, целью которой является получение, обработка, передача, хранение и использование информации. В процессе деловой переписки происходит взаимодействие концептуальных систем адресанта и адресата. Концептуальная система адресанта направлена на познание, участвует в порождении текста, а концептуальная система адресата ориентирована на понимание передаваемой информации как на основе вербализованных текстов, так и смыслов, возникающих в процессе интерпретации текста, постижения коммуникативных интенций, целей, содержания изложенной в тексте деловой информации.

Акт коммуникации в тексте делового сообщения осуществляется по заранее предписанным стандартам, соблюдение которых обеспечивает его функционирование в качестве основной единицы делового общения. В качестве доминирующего фактора существования делового текста выделяют его прагматическую установку (Т. ван Дейк). Это одно из направлений функциональной стилистики, в контексте которой понимание конкретного текста как средства коммуникации, имеющего функциональную закреплённость, сферу использования и обладающего особыми признаками, обусловлено спецификой сферы использования.

В рамках требований стиля, жанра и реальных условий коммуникации текст деловой корреспонденции приобретает специфические характеристики. Стилистыми чертами, которые свойственны официально-деловому стилю речи в целом, являются официальность, стереотипность и точность.

К основным дифференциальным признакам текстов деловой корреспонденции относятся следующие:

- преобладание фактической информации, то есть данных, отражающих реальное положение дел;
- одновременная реализация контактоустанавливающей, информативной, а также регулятивной функций общения;
- присутствие клишированных форм в начальной (Dear Sir/Madam, Dear Colleague) и в заключительной части делового письма (Sincerely yours, Respectfully yours).

При этом способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания делового текста есть отражение когнитивного стиля личности, который можно определить как предпочитаемый подход к презентации информации в тексте письма и выбору языковых способов достижения прагматического эффекта.

В деловом письме требования, предъявляемые к официальной переписке, приобретают еще большую значимость в силу того, что деловые отношения регулируются правом, системой юридических норм, за которыми следуют экономические, финансовые и иные санкции.

В деловой переписке очень важна:

- максимальная доступность текста для понимания;
- краткость, точность и ясность изложения мыслей;
- грамотность (предполагающая соблюдение не только норм грамматики и правописания, но и требований делового этикета).

Несмотря на то, что речевой жанр предопределяет логико-смысловую структуру представления информации и языкового наполнения, что даже в рамках делового стиля имеются большие возможности проявления индивидуально-творческой природы человеческого мышления, диктуемые максимально эффективной реализацией прагматического замысла.

Первым и основным условием делового письма является его доказательность. Точные и бесспорные факты – вот что особенно важно, если необходимо серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе. Излагая просьбу, необходимо подчеркнуть крайнюю заинтересованность в ее исполнении. Убедительность письма зависит от умения его составителей выразить интересы того предприятия, в адрес которого направлено письмо. Точность фактов, цифровых данных, четкость формулировок особенно необходима в письмах, отражающих кризисные «драматические» ситуации в сфере деловых отношений между партнерами. Из психологических соображений рекомендуется деловое письмо начинать с изложения позиции предприятия, если по рассматриваемому вопросу принято положительное решение, и, наоборот, отказ, отклонение предложения следует рассматривать в конце письма. В текстовом пространстве делового письма концептов

«отказ», «жалоба/претензия/рекламация», «требование», «извинение» обеспечивается максимальным учетом фактора адресата.

В современных исследованиях ученых делается вывод о том, что в настоящее время тексты деловой корреспонденции представляют собой «коммуникативный комплекс, являющийся, с одной стороны, гибридным в стилистическом отношении культурно-маркированным образованием, а с другой – языковым конструктом, обладающим внутренним единством и относительной целостностью» [4].

Система каждого языка постоянно находится в состоянии динамической функциональности, которую обеспечивает не только прагматика общения, но и поиск все более совершенных форм реализации. Каждая речевая культура при реализации некой коммуникативной задачи использует набор национально-маркированных речевых стратегий и тактик, обусловленных именно национальным видением особенностей коммуникативной ситуации. Различия в дискурсивных стратегиях реализации замысла пишущего демонстрируют именно расхождения в культурах, а не в языке, еще раз подтверждая мысль о том, что язык – зеркало культуры.

Библиографический список

1. Шарухин А. П., Орлов А. М. Психология делового общения : учебник для вузов. – 1-ое издание. – М. : Академия-Издательский центр, 2012. – 240 с.
2. Иванова Б. Л. Роль делового иностранного языка в развитии коммуникативной компетенции будущих экономистов и менеджеров // Язык, культура, диалог в контексте современности. – СПб., 2004. – С. 186–198.
3. Сорокина А. И. Business English: Пособие по английскому языку для делового общения. – Мн : БГПА, 2001. – 324 с.
4. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории (На материале текстов на русском и английском языках). Диссертация на соискание ученой степени д-ра филол. наук, – Краснодар, 2003. – 446 с.

КИНОЦИТАТЫ И ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ КИНОФИЛЬМОВ В ОСНОВЕ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ СМИ

Ю. В. Шашкина

*Магистрант,
Тверской государственной университет,
г. Тверь, Россия*

Summary. The article deals with the use of precedent-setting phenomena in the process of globalization. Particular attention is given to the newspapers, which texts contain television precedent-setting phenomena. The ways they are used in newspapers are systematized and described in the article.

Keywords: mass media; precedent-setting phenomena; television.

Газета – мобильный инструмент гласности. Она отражает социальные, культурные, политические и прочие процессы, происходящие в обществе. Газета – динамичная функциональная сфера употребления языка, целевой установкой которой является распространение информации и воздействие на максимально широкий круг адресатов. В современном обществе газеты считаются одним из самых важных источников информации и средств коммуникации. Газеты дают человеку возможность высказать свое мнение о частной жизни, о жизни общества и обеспечивают при этом свободу слова.

Одной из главных функций газеты можно считать функцию социализации, заключающейся в формировании у индивида системы ценностей, норм и традиций современного общества [7, с. 313–326].

По мнению А. С. Чигиревой, общественная роль газеты заключается в том, чтобы:

- дать оперативную оценку происходящему;
- сообщить об актуальных событиях и фактах текущей общественной жизни;
- обеспечить участие творчески активных сил общества в формировании и распространении нужных обществу знаний;
- динамично сформировать и выразить общественное мнение по актуальным вопросам жизни общества [6].

В последние годы журналисты все чаще и чаще используют прецедентные феномены в текстах газет. Термин прецедентный феномен был впервые введен Ю. Н. Карауловым.

Под прецедентным текстом он понимал «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, т. е. хорошо известный широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такой, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 32]. Они предстают в текстах с

различной тематикой: в экономических и политических статьях, в криминальных новостях, в интервью с известными людьми, в прогнозах, гороскопах, юмористических заметках и т.д. Прецедентные тексты, в свою очередь, делают заголовки информативнее, а, главное – привлекательнее для читателя.

Большая часть прецедентных феноменов используется в заголовках статей. Благодаря таким свойствам, как емкость и выразительность, ясность и четкость, прецедентные феномены широко используются в газетных статьях как броские, останавливающие внимание читателя заголовки и подзаголовки. Они заостряют внимание и активизируют коммуникативные отношения читателя с автором. Большинство людей не читают газетные материалы целиком, а ограничиваются лишь чтением заголовков и подзаголовков. Отсюда следует, что те, кто их составляют, оказывают большое влияние на восприятие новостей читателями.

Заголовок является первым сигналом, побуждающим прочитать материал. Он не только несет в себе главную мысль статьи, но также возбуждает читательский интерес, привлекает внимание своей эмоциональной окраской. Изучением газетного заголовка как объекта лингвистических исследований занимались такие ученые, как И. Р. Гальперин [1, с. 133], В. Г. Костомаров [3, с. 163-181], Э. А. Лазарева [4, с. 21].

Для создания выразительности в заголовках журналисты прибегают к использованию различных языковых средств. Прежде всего, они используют пословицы и поговорки, афоризмы, крылатые слова, говорящие имена, цитаты. Их использование направлено не только на украшение речи, но и на привлечение внимания читателя к информации данной публицистической статьи. В связи с этим широкое применение получило использование прецедентных феноменов.

Следует также отметить, что журналисты используют различные виды прецедентных феноменов в своих статьях. Это могут быть и прецедентные ситуации и прецедентные тексты. Например, прецедентный текст *давайте жить дружно* из известного мультфильма используется газетой «Троицкий вариант» в качестве заголовка к одноименной статье, в которой автор статьи призывает к миру между Россией и Украиной (11.03.2014). Газета «Пятница» в своей статье *и тебя вылечат, и меня вылечат* использует прецедентный текст из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» и рассказывает о капремонте и новом состоянии детской городской больницы № 3 в Пермском крае (7.12.2014).

Прецедентные имена чаще других прецедентных феноменов предстают перед читателем в качестве заголовков газетных статей. К примеру, газета «Русский репортер» использует прецедентное имя *Шерлок Холмс* в своей статье *Шерлок Холмс: диагноз нашего времени*. В ней автор поднимает вопрос, почему самые известные и популярные герои сериалов – хамы и социопаты (24.01.2014). Также, «Независимая газета» употребляет

прецедентное имя *Терминатор*, убеждая читателя в своей статье *Беги, Терминатор* о том, что Россия победит даже самого сильного и крепкого противника (31.03.2014). В качестве другого примера использования прецедентных имен в заголовках газетных статей выступает статья *Джеймс Бонд в юбке на страже госбезопасности* газеты «Комсомольская правда в Украине». Автор статьи рассказывает о новом фильме об умной красотке, которая умеет выживать в мире мужчин, сравнивая ее со спецagentом *Джеймсом Бондом* (23.01.2015).

Прецеденты предстают в газетных заголовках в удобной для восприятия форме: дословно или трансформированно. Но, чаще всего, журналисты прибегают к трансформированному виду, делая заголовок экспрессивнее и выразительнее. Итак, для газетных заголовков характерно два способа использования прецедентных феноменов:

- 1) дословное цитирование;
- 2) трансформация прецедентного феномена;

В первом случае прецедент используется в качестве заголовка без изменения своего состава. Например, в своей статье *Хьюстон, у нас проблемы* интернет-газета «Новости кино» приводит в качестве заголовка высказывание одного из героев из фильма «Аполлон-13», рассуждая о минусах фильма «Гравитация» (07.10.2013).

Фраза *Гюльчатай, открой личико* из отечественного кинофильма «Белое солнце пустыни» стала подходящим заголовком статьи о запрете ношения хиджабов в учебных заведениях («Комсомольская правда», 27.10.2014).

Ко второму способу введения прецедентных феноменов в заголовки статей можно отнести несколько типов трансформации. Итак, можно выделить следующие виды:

1. Усечение структуры прецедентного текста. Высказывание одного из киногероев фильма (12 стульев) *Автомобиль – это не роскошь, а средство передвижения* используется газетой «Майкопские новости» в статье *«Не роскошь, а средство передвижения»*.

2. Замена компонента в составе прецедентного феномена. Так, вместо фразы *Я на вершине мира* из кинофильма «Белая горячка» газета «Коммерсантъ» использует заголовок *«Уборщица на вершине мира»*, рассказывая о фильме «Восхождение Юпитер», в котором главная героиня играла уборщицу по имени Юпитер (02.02.2015) (рис. 3.3).

3. Добавление компонентов является одним из наиболее распространенных видов трансформации прецедентных феноменов.

Из фильмов российского производства взято много прецедентных феноменов, структура которых была расширена с целью создания информативного заголовка газетной статьи. Например, фраза *клиент созрел* из кинофильма «Бриллиантовая рука» стала основой заглавия статьи *«В Крыму созрели VIP-клиенты»*, в которой говорится о крупных вкладчиках ре-

гиональных банков и их отношениями с этими банками («Коммерсантъ», 30.10.2014).

4. Изменение цели высказывания. Журналисты нередко меняют цель высказывания в выражении для того, чтобы еще больше привлечь внимание читателя. Например, повествовательное предложение *Наши люди на такси в булочную не ездят* в газете «Труд» меняется на вопрос «*Наши люди на такси в булочную не ездят?*». Газета приводит результаты опроса москвичей о том, сколько они готовы платить за проезд после заявления Собянина о потолке для московских такси (20.05.2013).

Прецедентные тексты широко используются и в самих текстах СМИ. Следует добавить, что в большинстве случаев журналисты прибегают к использованию прецедентных имен и прецедентных высказываний. Таким образом, осуществляется воздействие журналистского слова на мировоззрение читателя. Учитывая ожидание аудитории, пресса ориентируется на более остроумную подачу материала. «*Я вас купил... чего же боле?*» (МК, 21.12.2010). Можно обнаружить, что использование данного текста задумано для того, чтобы обратить внимание читателя на статью.

Газетные статьи очень часто используют, например, прецедентное имя *Остап Бендер*. «*Кулинар по профессии, – представился. – Имею незаслуженную судимость, но не мошенник, не Бендер, а Робин Гуд* (Российская газета, 12.07.11). Или, использование данного прецедентного имени в этой же газете: «*Японский «Остап Бендер» ограбил пенсионеров на полтора миллиарда долларов*» (Российская газета. 05.02.09). Использование данного прецедентного имени придает публицистическому тексту характер шутливости, некой иронии.

Наряду с прецедентными именами, журналисты прибегают к использованию в газетных текстах прецедентных высказываний. Например, «*Я говорю о том, что неравномерность представительства, которая является «медицинским фактом», как говорил Остап Бендер, вызывает зависть к евреям, очень для них опасную, совсем не имея в виду конкретного господина Иванова*» (Лебедь. 01.04.2012).

В данном случае можно тоже трансформировать прецедентные высказывания. Например, «*Не ходите, дети, в Африку гулять. И в США с Европой тоже не суйтесь без всякой необходимости*» (МК, 12.05.2011). Трансформированный вид прецедентного высказывания придает тексту эффект новизны и привлекает внимание читателя.

Иногда можно наблюдать, что журналисты помещают прецедентные феномены в конец газетных статей. Если они помещены в самом начале статьи, то они являются ярким, эмоциональным зачином. Но, если автор использует их в конце статьи, то прецедентные феномены обеспечивают речь важными обобщениями и умозаключениями, резюмируя предыдущие высказывания.

В поисках придания тексту выразительности журналисты готовы привлечь разнообразные приемы. Используя прецедентные феномены, они ясно, кратко и четко поясняют свою мысль и привлекают внимание читателя к газетным статьям. Чем ярче получается публикация, тем больше происходит воздействие на читателя. Широко известны читателю крылатые выражения, поговорки, цитаты, наполненные новым содержанием, приобретают большую значимость и актуализируются.

Читатель призван размышлять, угадать то, о чем написана статья, где приведен прецедентный феномен. Удачная разгадка порождает чувство удовлетворенности. Кроме того, востребованность прецедентного текста в газетном дискурсе обуславливается его формально-семантической структурой, «интертекстуальное включение способно реализовывать конструктивный принцип языка публицистики – чередование экспрессии и стандарта» [5, с. 14].

Библиографический список

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Издательство ЛКИ, 2007.
3. Костомаров В. Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М. : Мысль, 1965.
4. Лазарева Э. А. Заголовок в газете : учеб. пособие для студентов вузов. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1989.
5. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты : динамика дискурса 50–90-х годов : автореф. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004.
6. Чигирева А. С. Функции прецедентных текстов в газетных заголовках: Челябинск. – <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=560239> (дата обращения : 10.04.2016).
7. Klinovskaja A. A., Trubceninova A. A. Die politik- und sportbezogene massenmediale Kommunikation im Kontext der Massenkultur: Didaktische Ansätze // Germanistisches Jahrbuch GUS „Das Wort" (дата обращения : 12.03.2013).

IV. LANGUAGE AND MENTALITY PRESSING QUESTIONS OF COGNITIVE LINGUISTICS

PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING FEELINGS AND EMOTIONS IN THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

M. E. Yashina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
students,*

R. R. Sabirova

A. M. Yarullina

*Kazan Federal (Volga region) University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Summary. This research focuses on the comparative study of phraseological units expressing feelings and emotions on a material of English, German and Russian languages. The present work is an analysis of semantic features, internal form and meaning of phraseological units.

Keywords: phraseological units; lexicology; structural analysis.

At all times the language has been the most distinctive feature of the ethnos. It is interesting to see how feelings and emotions are expressed with the language designation that are a real part of our lives and has a significant impact on human behavior. A comparison of the different languages of phraseology helps to clarify the emotional evaluation of events, taking into account the specifics of mentality of native speakers. It is difficult and sometimes impossible to understand true meaning of an idiomatic expression without knowledge of the idiom.

(The Great Soviet Encyclopedia, 3rd Edition (1970–1979).)

The Great Soviet Encyclopedia (1979) gives us the following definition of phraseological unit:

"(also called idiom), a word group with a fixed lexical composition and grammatical structure; its meaning, which is familiar tonative speakers of the given language, is generally figurative and cannot be derived from the meanings of the phraseological unit's component parts. The meanings of phraseological units are the result of the given language's historical development".

There are several types of phraseological units, as follows. In phraseological concretions the literal and figurative meanings are totally unrelated, as in "дрожать от страха" ("have the wind up", "to be scared") or "доводить до белого каления" ("to make somebody extremely angry"; literally, "to foam at the mouth"). Other phraseological units have a meaning that is derived from the meaning of the component parts, as in *задирать нос* ("to put on airs"; figuratively, "to be haughty"). Phraseological collocations include a word or words

with a meaning that is both literal and figurative, as in *воспрянуть духом* ("to lift one's head" which means "to start to look upbeat"). Another type of phraseological units the idiomatic expression, a word group whose structure and meaning are fixed.

Other classifications of phraseological units according to type exist as well. They include classifications based on the restrictions in the selection of variable structural elements, those based on the fixed or variable composition of the word components, and those based on the degree to which the phraseological unit's structure and components are fixed.

Comparison of idioms that express feelings and emotions from three languages (German, Russian and English) is supposed to give the answers to the following questions: what are the differences and similarities between phraseological units of the English, Russian and German languages; how they appear in common aspects of a language – functionally, semantically and structurally, what is the degree of equivalence between idioms of feelings and emotions.

There are different factors that influence on interrelationship of phraseological units of the English, German and Russian languages in a various degrees. It could be shown when in two of these three languages partial or complete structural semantic equivalents are found, whereas in the third language no any equivalent. For example, presence of equivalents in English and German equal in the semantics and we can see some lexical connection, but there is no equivalent in Russian: *English colloquial phrase «to go bananas» is translated into German «vom wilden Affen gebissen sein» (to be bitten by wild monkeys), while in Russian the closest equivalent is «сойти с ума» (to go crazy).*

The first and the main criteria, denoting presence of meaningful and structural-semantic equivalents among phraseological units of the three languages, is semantic interrelationship. It means partial or complete match of main common meaning of phraseological unit and connotative meaning. Connotation is an associated or secondary meaning of a word or expression in addition to its explicit or primary meaning: *A possible connotation of "home" is "a place of warmth, comfort, and affection".*

For example: Eng. "to bare your heart (or soul) to someone", Germ. "j-m das Herz ausschütten", Rus. "открыть сердце (душу) кому-либо"; Eng. "to be tongue-tied", Rus. "проглотить язык", Germ. "einen Knoten in der Zunge bekommen".

In the last correlative row having the same lexical meaning, idioms are different according to their component composition: БЫТЬ С ЗАВЯЗАННЫМ ЯЗЫКОМ – ПРОГЛОТИТЬ ЯЗЫК – ПОЛУЧИТЬ УЗЕЛ НА ЯЗЫКЕ.

The next criteria according to importance is a structure of a phraseological unit. Structural (lexical and syntactic) composition unlike the first criteria denotes presence of complete structural semantic equivalents. The low structural semantic phraseological equivalents is a characteristic of the units, which in-

clude components, correspondences of which do not exist in a lexical–semantic system of compared language at all or have a secondary place in it.

Accessory of phraseological units to a particular style, i.e. their stylistic markedness, plays some role. For example, *to go bananas* (If someone becomes very emotional and starts behaving in a crazy way, they go bananas.) The Russian equivalent of this idiom is "сойти с ума" or "перегибать палку" according to a context.

Six idioms were taken for the analysis from semantic and structural points. Their idiomatic equivalents were found in each of the three languages. They are shown in the following table.

Table 1.

	Russian	English	German
	Камень на сердце.	A heavy heart.	Es ist mir schwer ums Herz.
	Быть меж двух огней.	To be between the devil and the deep blue sea.	In der Klemme sein.
	Как гвоздь проглотил.	As stiff as poker.	Als hätte er einen Stock verschluckt.
	Как на иголках.	To be on pins and needles.	Auf Kohlen sitzen.
	Как гора с плеч свалилась.	A load off one's mind.	Ihm ist ein Stein vom Herzen gefallen.
	Витать в облаках.	To be up in the clouds.	In den Wolken schweben.

It should be noted that semantics of these phraseological units in all of the given languages is similar.

The first row of idioms includes partial phraseologisms. They all have figures of "heart" and "weight", but they are different in structure. The German equivalent has the most compound structure among others.

The second row shows idioms with similar images, that are conveyed through different lexical units (to be between flames/ the devil and the deep blue sea/ vise). The phraseologisms are very close in structure.

The idioms of the third row have almost the same structure, but include different vocabulary. They are partial equivalents.

The phraseological units of the fourth line of the table are absolute equivalents. Needles are included in all of them. As for the structural point, the idioms do not differ much (there are verbs added to English and German variants).

According to structure, phraseological units of the fifth row are slightly different. It is interesting to compare them from the lexical point, as they convey the same meaning through different images: (a mountain/ a load / a stone), (shoulders/ mind/ heart). It can be explained by the fact that Russian, English and German people have different association with a feeling of relief.

Idioms of the sixth line are complete equivalents. It is traced near. Translation of idiom word to word will lead to its real equivalent. They are similar not only lexically but also structurally.

Comparing these groups of idioms we have revealed that even languages of one family (in this case it was Indo – European) may have contrasting variants of one idiom both structurally and lexically. Some of them are absolute equivalents and can be easily translated without missing a main meaning from one language to another. However there are only few absolute equivalents can be found so that we should pay great attention to lexical meaning and composition. So that word to word translation can lead to confusion and one, who deals with this matter, should know phraseological units and their equivalents of different languages very well.

Thus, the comparative analysis reveals the specifics of reflection in phraseological part of the English, German and Russian languages. It should be mentioned that the English, German and Russian languages are from one linguistic family (Indo-European) but from different branches. According to this fact, we may call Russian as a far-related language to German and English, that are close-related. While comparing phraseological units, it should be counted that the Russian and German languages are more complicated according to their structures (they have cases, declensions, endings etc.). Many of these features are missed or simplified in the English language. Thus, Russian and German are more similar structurally than English and German or English and Russian. E.g. *Rus.* «как звезда проглотил», *Germ.* «Als hätte er einen Stock verschluckt » (*compare with Eng.* « as stiff as poker»). Here we can see complete equivalents in the Russian and German languages, but actually they are very rare. It is more likely to come up against idioms that are similar partially. E.g. *Eng.* "to fly off the handle" = *Rus.* "выходить из себя" = *Germ.* "aus der Haut fahren". The German equivalent should be translated carefully in this case, because it can be easily misunderstood. "Aus der Haut fahren" – if we translate it word to word into Russian it will change its lexical meaning as the Russian language has an idiom "из кожи вон лезть" which means "try to do smth in a best way" and has nothing to do with feelings and emotions.

As it was said above, there are only few of absolute phraseological units. It happens because languages have different roots, moreover, nations have diverse understanding of some emotions and feelings. That is why syntactic and lexical contrasts occur, though common lexical meaning is remained.

Bibliography

1. Collins COBUILD English Language Dictionary, London; Glasgo: Collins, 1987.- 1703 p.
2. Crystal, D.A. Dictionary of Linguistics and Phonetics/D.Crystal.-Oxford: Oxford University Press. 1985. – 964 p.
3. Grosses Wörterbuch. Deutsche Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten/Redaktion: Chr Marsen, Köln: Buch und Zeit Verlagsgesellschaft. - 1995. – 780 s.
4. Universal Lexicon – Leipzig. – VEB: Bibliographisches Institut, – 1988. – 847 s.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Н. С. Чуркина

Учитель,
Средняя общеобразовательная
школа № 14 "Центр образования
г. Сызрани", г. Сызрань, Россия

Summary. The article deals with the psycholinguistic peculiarities of oral speech and the conditions that affect its character. The models of verbal statement are characterized. The methods for the formation of oral communication skills are considered.

Keywords: oral speech; foreign language; language tools; communication.

Устная речь – это очень сложный психофизиологический процесс, который состоит из навыков говорения на иностранном языке и навыков понимания речи других коммуникантов. На характер устной речи влияют определенные условия, к которым причисляют следующие: возраст и образование собеседника, тема беседы, жестикуляция и т. д.

Модель речевого высказывания, разработанная А. А. Леонтьевым, не зависит от конкретного языка и содержит такие ступени как система мотивов (внеречевые факторы); речевая (коммуникативная) интенция; внутренняя программа речевого действия; реализация внутренней программы; акустико-артикуляционная и моторная реализация программы; звуковое осуществление высказывания [3]. Коммуникант в процессе разговора использует все языковые средства под влиянием экстралингвистических условий. В результате этого устную речь характеризуют определённые черты, которые отличают ее от письменной речи. Для устной речи характерно использование вводных конструкций, междометий, вставок, которые выражают различную реакцию собеседника [1]. Для обучения устной речи на иностранном языке в средней школе необходимо знать грамматику, лексику, фонетику иностранного языка, а также необходимо учитывать, что следует применять эти навыки при говорении и понимании по-разному, поскольку говорение – это воспроизведение определённых языковых явлений в речи, а для понимания требуется лишь узнавание лингвистических явлений в речи. Для того чтобы научить учащихся устной речи необходимо сформировать умение читать и писать на иностранном языке. Устная речь отличается от письменной речи ситуативностью, то есть в ходе устной коммуникации многое выясняется без речевого пояснения. При обучении устной речи в средней школе нужно учитывать специфику монологической и диалогической речи.

Диалогическая речь представляет собой реплики или ряд высказываний, которые следуют один за другим в условиях непосредственного общения двух или нескольких собеседников. Монологическая речь – это речь

одного коммуниканта, выражающего в развёрнутой форме свои мысли, намерения, оценку событий и т. п. Устная монологическая речь приближена к книжно-письменной речи по характеру изложения материала, так как для неё характерна последовательность изложения материала. В диалогической речи возможны внезапные переходы от одного вопроса к другому, повторения. Диалогическая речь протекает как правило стихийно, без намеченного плана. Монолог же более логичен, заранее подготовлен [2].

Исходя из вышесказанного, основной задачей при изучении иностранного языка в средней школе является формирование навыков использования усвоенного языкового материала для выражения своих мыслей в соответствии с речевой ситуацией. Основная сложность в обучении устной речи в процессе преподавания иностранного языка заключается в том, что языковой материал должен использоваться как средство коммуникации. Использование видеофильмов на уроках иностранного языка в средней школе позволяет формировать внимание и совершенствовать навыки аудирования и говорения. Эффективными методами работы на занятии являются работа в парах; в группах; работа в командах и т. д., поскольку необходима постоянная практика говорения на иностранном языке для развития навыков устной речи. Учащиеся с большим интересом составляют диалоги, используя примерные ситуации. Учитель задаёт ситуацию, а ученики говорят на предложенную тему, используя при этом усвоенный материал в упражнениях учебно-коммуникативного характера. Аудирование формирует слуховой образ речи. Повторение фонетических явлений за диктором развивает устную иноязычную речь. Учителю необходимо создать комфортные условия для осуществления речевой деятельности, в которых учащиеся мотивированы слушать иностранную речь, когда им интересно, и они хотят говорить на иностранном языке, не боясь сделать ошибку. Для того чтобы вызвать познавательный интерес учащихся необходимо использовать актуальный языковой материал, при отборе следует учитывать уровень развития учащихся и их интересы. Использование творческих заданий и проектов на занятиях обеспечивает развития познавательных способностей учащихся. Одним из эффективных средств обучения устной речи является также проведение тематических вечеров, например, «Праздники в стране изучаемого языка». При использовании данных методик на занятиях по иностранному языку у учащихся формируются навыки устной речи и развивается мотивация к говорению на иностранном языке.

Библиографический список

1. Абрамова Н. В. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в неязыковом вузе // Язык и мир изучаемого языка. – 2013. – № 4. – С. 95–99.

2. Абрамова Н. В. Особенности языковой структуры и функционально-стилевая типология монологической речи в немецком языке // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе : межвузовский сборник научных статей / под общей редакцией Т. А. Гордеевой, О. Б. Симаковой. – Пенза, 2014. – С. 5–9.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». – М. : Смысл, 1999. – 287 с.

V. LANGUAGE AND STYLE OF ART

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Л. Б. Гацалова

*Доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник,*

Л. К. Парсиева

*доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник,*

*Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных*

исследований имени В. И. Абаева ВНЦ

РАН и РСО-А, г. Владикавказ,

Республика Северная Осетия-Алания,

Россия

Summary. The article discusses the development of the lexical system at the expense of other writers. Examines the ways occasional and the author's individual word formation on the example of various literary works in Russian and Ossetian languages. Discusses the translation of occasionalisms.

Keywords: Ossetian language; Russian language; occasional word; author's individual word.

Одной из значимых особенностей языка художественного текста является его способность к продуцированию слов и словоформ, обогащающим словарный состав. Такие слова могут создаваться «по случаю», именуясь окказионализмами, или индивидуально-авторскими. Антропоцентрическое направление в языкознании актуализирует вопросы лингвокреативной деятельности языковой личности и словотворчества. Наиболее часто новые лексемы появляются под пером мастеров слова, то есть в художественном тексте [4, с. 3].

Одной из основных проблем неологии признается определение критериев отличия собственно неологизмов от других видов инноваций: окказионализмов, гапаксов (индивидуально-авторских употреблений), ксенизмов (заимствованных слов, отражающих быт других стран), эфемеризмов (слов, отражающих преходящие явления) и др. Важен также вопрос о функциональном критерии при выделении отдельных разрядов новаций, так как не всякое новое в морфологическом отношении слово вводится в словарь неологизмов. Если слово представляет собой единичное авторское употребление, то оно относится к периферийной зоне неологии и не должно включаться в общий словарь неологизмов. Слово же, давно появившееся в языке, может быть зафиксировано в словаре неологизмов, если оно

расширяет или изменяет сферу употребления, становится более известным, даже если оно не изменяет своего значения [5].

Правильной нам кажется и позиция равного внимания к разным категориям новаций, в том числе – окказиональным словам, авторским новообразованиям. Эта точка зрения основана на признании того факта, что между словами речевого статуса и узуальными, принадлежащими языковой системе, нет непереходимой черты. Поэтому они представляют одинаковый интерес для неологии и неографии [1; 2].

Особенностью новых слов, появляющихся впервые в художественном тексте, является то, что такие лексемы в лексикографические издания не вносятся, они не становятся узуальными, и тем не менее обогащают язык художественного произведения, являясь, бесспорно, ярким выразительным средством.

Отличие окказиональные и индивидуально-авторских слов состоит в том, что первые возникают «на случай», образуясь по известной модели для однократного употребления; вторые же создаются авторами с выразительной целью и нередко значительно отклоняются от ожидаемых словообразований. И те, и другие придают художественному тексту необыкновенную эмоционально-экспрессивную окрашенность, стилистическую маркированность, тесную связь с контекстом.

В современном русском и осетинском языках окказиональные слова создаются и охотно используются писателями, поэтами и публицистами, часто раздвигающими присущие языку словообразовательные рамки. Известно, что каждый словообразовательный тип имеет в языке свои границы употребления, – он ограничен в возможностях. Но словотворцы иногда позволяют себе расширить возможности образования слов. С точки зрения общепринятого литературного языка такое слово – нарушение грамматической (в данном случае словообразовательной) нормы, но оно помогает создать яркий, оригинальный образ [2].

Заметим, что и русский, и осетинский языки имеют огромный арсенал словообразовательных средств окказионализмов. Наиболее продуктивными из них для обоих языков являются аффиксация (суффиксальное, префиксальное, префиксально-суффиксальное словообразование), словосложение, дефисные сочетания.

Суффиксальное словообразование. В русском языке этим способом словотворчества часто пользовался, например, Борис Пастернак:

Оттепелями из магазинов

Веяло ватным теплом.

Вдоль по панелям зимним

Ездил *звездистый* лом. (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 71)

Весна! Не отлучайтесь

Сегодня в город, Стаями

По городу, как чайки,

Льды раскричались, *таючи*. (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 81, Весна)

В осетинском

галстукджын – иронич. «галстучник» (от галстук):

«Бамбæрста: æрвыст лæг – галстукджын – зæххы куыстæн ницы зоны» (Мах дуг, 2002, № 6, 144 ф.) – «(Он) понял: присланный мужчина – галстучник – ничего в земле (сельскохозяйственной работе) не понимает»;

аргъауæццаг – «сказочный» (от аргъау «сказка»):

«Ныр фæндзай азы дæргъы Нафийы поэतिकон æрмдзæф, аргъауæццаг цалхау, æнарлæугæ тулы дзырдаивады хæзнадонмæ» (Рæстдзинад, 2002, № 158, 3 ф.) – «Уже в течение пятидесяти лет поэзия Нафи, подобно сказочному колесу, не останавливаясь катится к сокровищнице словотворчества»;

налхъуытон – «яхонтовый» (от налхъуыт «яхонт»):

«Мæ дæлæвзаг дын налхъуытон дзырдтæ» (Мах дуг, 2003, № 1, 38 ф.) – «На языке у меня яхонтовые слова».

Префиксальное словообразование.

В русском языке:

Мелко исписанный инеем двор!

Ты – точно приговор к ссылке

На недоед, недосып, недобор,

На *недопой* и на боль в затылке. (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 61, Двор)

В осетинском именных префиксальных узуальных образований немного; количество префиксов, образующих слова от имен, ограничено – их всего четыре: æ-, æнæ-, æд- и æм-. Соответственно, немного и слов, образованных таким способом, так как ограничено число потенциальных слов с такими префиксами. Например:

æмхалдих – «очень похожий» (от æм- «не-» и халдих «очень похожий»):

«Ирд дидинджытæ – гыгы 'нгæстæ, фаззæтты уындæй – æмхалдихтæ, хурæн, цæуæстау, о, цас ысты! – нæй сын нымæц дæр зæххон сæрды» (Мах дуг, 2003, № 1, 33 ф.) – «Яркие цветы – как девочки, на вид – как близнецы, очень похожи, для солнца, как дети, – о, сколько их! – нет им счета летом».

Активнее используются осетинские префиксоиды. Например:

рагхынцæг – «предусмотрительный» (от раг- «ранний» и хынцæг «вычисляющий»):

«Искацы адамыхатт йæ гербыл арсы куы сныв кæны, уæд уый дзурæг у, уыцы адамыхатт йæхи рагхынцæгыл, сæрхызтыл кæй нымайы, ууыл» (Мах дуг, 2001, № 9, 139 ф.) – «Если какой-либо народ изображает на своем гербе медведя, это означает, что этот народ считает себя предусмотрительным, осторожным».

Значительно больше развито префиксальное словообразование при помощи девяти имеющихся в осетинском языке превербов.

Примеры собственно окказиональных превербных новообразований:

сницы уын – «стать ничем» (от ницы «ничто»):

«А зыд царды чи ма у фæстæзад: Иры фарн кæрæфы цур ысницы, уый фыдæй йæхицæй Ир дæр лидзы» (Мах дуг, 2003, № 1, 35 ф.) – «Кто еще отстаёт в этой жизни: благодать Осетии стала ничем перед жадностью, из-за этого Осетия бежит от самой себя»;

æррæвдауын – «приголубить, приласкать» (от рæвдауын «ласкать, голубить»):

«Номæвæрæг сын йæхæдæг у – алкæмæ дæр сæ йæхи номæй сдзурь, хæларæй йæм бахуды, буц сæй йæ тынтæй æррæвдауы» (Мах дуг, 2003, № 1, 33 ф.) – «(Оно) само их крестный – каждого по имени назовет, по дружески улыбнется, нежно приласкает своими лучами»;

æрфæтгъæн уын – «усесться» (ср. æртгъæпæн уын простореч. «сесть»):

«Авдан (...) йæ цайы агуывзæмæ куыд фæуади, афтæ йын Битта йæ инициель йæ дзыхы баппæрста, йæ бадаены æрфæтгъæн æмæ æрдæгæууылд комдзæгтæ нынныхъуырда» (Мах дуг, 2002, № 5, 16 ф.) – «Как только Авдан пошел за своим стаканом, Битта сразу закинул его инициель себе в рот, уселся на его стул и проглотил недожеванные куски»;

ныддиди уын – «зацвести» (от диди дет. «цветок»):

«Рацыди сæм Бека йæхæдæг, йæ хъæддыхбазыр цъæх нымæтхуды гоппыл – чысыл тымбыл бур сыфтæ ныддиди сты (...)» (Мах дуг, 2002, № 6, 57 ф.) – «Бека сам к ним вышел, на макушке его серой войлочной шапки зацвели небольшие круглые желтые листья».

Префиксально-суффиксальное словообразование.

В русском языке:

Прислушайся к вьюге, сквозь десны процеженной,

Прислушайся к голой побежке бесснежья.

Разбиться им не обо что, и заносы

Чугунною цепью проносятся понизу

Полями, по чересполосице, в поезде,

По воздуху, по снегу, в отзывах ветра,

Сквозь сосны, сквозь дыры заборов *безгвоздых*,

Сквозь доски, сквозь десны безносых трущоб. (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 63, Дурной сон)

В современном осетинском языке таких слов тоже немного:

«Цы фæци рæстæг та, æнæферхæцгæ, дугъон рæстæг?» (Мах дуг, 2002, № 2, 14 ф.) – А куда делось время, стремительное, скачущее время?».

Словосложение.

Словосложение – очень продуктивный тип словообразования и в русском, и в осетинском языках. Потенциальные возможности здесь безграничны.

Примеры из русского языка:

...И глохнет свисток повторенный,

А издали вторит другой,

И поезд метет по перронам

Глухой многогорбой пургой. (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 55, Вокзал)

В осетинском языке новации данного типа создаются как для выражения номинативной, так и для выражения номинативно-экспрессивной функции.

Примеры собственно окказиональных новообразований:

мидуынаффæ – «внутреннее решение» (от мид «внутренний» и уынаффæ «совет, решение»):

«Уацмысы композици амад у ныхмæвæрдды бындурыл: хи характеристика æмæ хъуыддаджы æцæг уавæр, мидхъуыды æмæ мидуынаффæйы 'хсæн ныхмæлæуд, раздæры цæстæнгасы нысаниуæг архайды кæрон æмæ а.д.» (Мах дуг, 2003, № 1, 99 ф.) – «Композиция произведения построена на противопоставлении: противопоставление собственной характеристики и действительного положения дел, внутренней мысли и внутреннего решения, начальной точки зрения в конце действия и т. д.»;

гауызтыхт – «свернутый ковром» (от гауыз «ковер» и тыхт «свернутый»):

«Асинет гауызтыхт сау нымæт йæ бынаты бавæрдта æмæ йæ хосæй æрæмбæрзта» (Мах дуг, 2002, № 7, 44 ф.) – «Асинет положила на место свернутую ковром бурку и накрыла ее сеном»;

астæуныхас – «середина ныхаса» (от астæу «середина» и ныхас ист. «место, где мужчины проводили свое свободное время»):

«Астæуныхасы хъæубæсты хистæртæй чидæртæ бады (...))» (Мах дуг, 2001, № 6, 127 ф.) – «Посреди ныхаса сидит кто-то из старейшин села ...»;

æхцонвæллад – «приятная усталость» (от æхцон «приятный» и фæллад «усталость»):

«Ды радтай, хуры тынтæ кæм хъазыны райсомæй изæрма, уыцы цъæх-цъæхид арв нæ сæрма, ды радтай уæлхох-дæлхох, кæм кæной æхцонвæллад нæ цæнгтæ» (Мах дуг, 2002, № 2, 12 ф.) – «Ты дал синее небо, на котором с утра до вечера играют солнечные лучи, ты дал горы и долины, на которых приятно устают наши руки»;

гобиахаст – «молчание» (от гоби «немой» и ахаст «обращение»):

«Æз дын мæ гобиахастæй мæ зæрдæйыуаг æргом кодтон» (Мах дуг, 2002, № 6, 56 ф.) – «Своим молчанием я открыл тебе свое сердце»;

дамæмхиц – «склонный к сплетням» (от дам «слух, молва» и æмхиц «склонный»):

«Дамæмхиц хъæстæ цæстытæй хибар ...» (Мах дуг, 2002, № 3, 17 ф.) – «Кто склонен к сплетням – слеп»;

къахырбыл – «с отколотым краем» (от къахыр «разбитый, отколотый» и был «край»):

«Къахырбыл бæрзонд мæсыджы сæр, зæронд идæдз усау, ныккука сау сынт ...» (Мах дуг, 2003, № 1, 19 ф.) – «Вверху высокой с отколотым краем башни съежилась как старая вдова ворона ...».

Примеры индивидуально-авторских новообразований:

бухъзардае – «пресытившийся» (от бухъхъ «сыто, жирно» и зардае «сердце»):

«...бухъзардае фæрныг кафæг дам хаты, сыстадтае рæхснаг талай-ау тасга...» (Мах дуг, 2002, № 3, 16 ф.) – «...тебя приглашает пресытившийся танцор, а ты встаешь покачиваясь, как голое деревце»;

дурдзæсгом – «каменнолицый» (от дур «камень» и цæсгом «лицо»):

«Нана йæ сабийы къухыл хæцы æмæ дурдзæсгомæй зилы афтид уæзæгыл» (Мах дуг, 2002, № 2, 20 ф.) – «Мать держит за руку свое дитя и с каменным лицом оглядывает пустое жилище»;

дурдзæссыг – букв. «каменные слезы» (от дур «камень» и цæссыг «слеза»):

«Тæригъæдаей ахæстæтты къултæн арæзт и сæ дурдзæссыгæй къултæ» (Мах дуг, 2002, № 6, 86 ф.) – «Жалкие тюремные стены сделаны из каменных слез»;

туасдыргъ – букв. «острый, как шило» (от туас «шило» и цыргъ «острый»):

«Пиратæн дæр дын уый авæрай: йæ хурхмæ йын баирвæзт, ныссагъта дзы йæ туасдыргъ дæндæгтæ – уайтагъд ын Рексы тугæй сырххулон афæлдæхтысты» (Мах дуг, 2002, № 7, 123 ф.) – «А Пирату только этого и подавай: он тут же дорвался до глотки Рекса, вонзил в нее свои острые как шило зубы – и тотчас они у него окрасились кровью Рекса»;

удмæцæуæн – букв. «путь к душе» (от уд «душа» и цæуæн «путь»):

«Ды басыгътай мæ удмæцæуæн хид, æндæры улы ныр дæ мард ныгæн» (Мах дуг, 2001, № 11, 11 ф.) – «Ты сожгла путь к моей душе, теперь хорони себя в душе другого».

Как видно из примеров, индивидуально-авторские новации очень трудно переводить на русский язык (а иногда и вовсе невозможно) из-за их высокой образности. Такая образность является украшением литературного произведения, свидетельством большого таланта его автора.

Очень распространено в русском и осетинском языках образование слов *дефисным сочетанием*.

В стихотворениях Б. Пастернака:

...Они узнают тот сиротский,

Северно-сизый, сорный дождь... (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 54)

Это раковины ли гуденье?

Пересуды ли *комнат-тихонь*?

Со своей ли поссорившись тенью,

Громыхает заслонкой огонь? (Пастернак, ПСС, т. 1, с. 57, Зима)

В осетинском:

арв-фæрсудзæн – «небо-сито»:

«...Д'арв-фæрсудзæны ма хъæдгæмтты æрсдон Уалдзæг фæрсыгътон...» (Мах дуг, 2001, № 8, 96 ф.) – «В твоём небе-сите я своими ранами просеивал весну»;

дидинагг-къаба – «цветастое платье»:

«Дидинагг-къабайы, Хурау, кæугæйæ, фæсхъæума хæдзарæй сауæрфыг уади» (Мах дуг, 2003, № 1, 37 ф.) – «Чернобровая красавица в цветастом платье, подобно Солнцу, шла за село».

Н. И. Фельдман предлагала создать специальный словарь таких авторских слов: «Нам думается, что словарь окказиональных слов русских писателей в разных отношениях – для лексикологии, для истории языка, для стилистики и для литературоведения – представлял бы немалый интерес» [4, с. 71]. Необходимость в словарях такого типа есть не только в русском, но и в осетинском языках, так что данное исследование имеет и прикладной характер.

Библиографический список

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: Дис. ...докт. филол. наук. – СПб., 1998.
2. Гацалова Л. Б. Неология в современной лингвистике. – Владикавказ, 2005.
3. Пулина Е. А. Окказиональное слово в художественном тексте: способы образования и межъязыковой трансляции (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его переводов на русский и немецкий языки). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Пермь, 2008. – 24 с.
4. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73
5. Gilbert P. Dictionnaire des mots nouveaux. – Paris, 1971.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016–2017 ГОДАХ**

Дата	Название
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2017 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2017 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2017 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2017 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2017 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2017 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2017 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2017 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2017 г.	Иновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2017 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2017 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2017	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2017 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2017 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2017 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2017 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2017 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук

22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор за 2015 г.
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • Infobase Index (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,041, • Scientific Indexing Services – 1,09, • General Impact Factor – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor – 4,22, • Research Bible – 0,781, • Infobase Index – 2,06, • РИНЦ – 0,119
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN LINGUISTICS IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Materials of the II international scientific conference
on October 17–18, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 26.10.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 4,4.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz